

А. И. Завротскій

**КРАСНЫЕ
ВАНДАЛЫ.**

(Обзор состояния науки в советской
России.)

**Шанхай
1934.**

This book is followed by a summary in English.

А. И. Завротскій

КРАСНЫЕ ВАНДАЛЫ.

**(Обзор состоянія науки в совѣтской
Россіи.)**

С предисловіем Д. И. Густова.

Ты знал-ли дикий край.....
....гдѣ являются порой
Умы и хладные, и твердые, как камень,
Но мощь их давится безвременной тоской
И рано гаснет в них добра спокойный
пламень?

Лермонтов.

Шанхай

1934.

Предисловіе.

Настоящая книга „Красные Вандалы“ написана ~~молодым~~ советским ученым А. И. Завротским. Талантливый доцент - математик, окончивший в 1928 г. Петербургский Университет, затем бывший ассистент по кафедре математики в Благовещенске, откуда он и перешел с большими трудностями границу зимою 1932 г.

Когда читаешь эту книгу, написанную кровью сердца, становится жутко. Жутко не только за распятую и растоптанную русскую науку и русских ученых, но и за Родину и за народ. Боишься — выживут ли? Не конец ли народу и государству? В этой книге не найдешь ни ругательств в отношении советской власти, ни гнева. Она написана кажущее спокойно. Но это спокойствие уничтожающее и в отношении режима власти, и в отношении тех, кто ползает у стола пирующих. Так спокойно - уничтожающее мог написать только человек „оттуда“, сам испытавший, все видавший и испивший чашу жизни той до дна. Надо было иметь много мужества и наблюдательности, чтобы уйдя „оттуда“, „здесь“ суметь дать такой сильный и яркий очерк состояния науки „там“, а вместе с тем и состояние всей духовной жизни СССР.

Эта книга должна быть известна не только всякому культурному русскому читателю, но ее непременно следует перевести на другие языки, дабы ознакомить мирового культурного читателя с вандализмом науки в „социалистическом“ государстве СССР.

Д. Густов.

S U M M A R Y

Among the disasters caused to Russia by Communist Government the murder of Science (Vandalism) is considered by the author as the gravest and the least excusable. The Communists do not recognize their fault in this respect and try to justify themselves by emphasizing the Government funds for the development of Science. But it is not money that makes Science, but men and their labour, and for men the best conditions should be provided.

Further, the author points out the details of this murder: namely, the violation of scientific freedom; the compulsory philosophy of dialectical materialism; the moral corruption of scientists; the subordination of scientific theories to the authority of the red dictators, Lenin and Stalin; the destruction of the Academy of Science in Petersbourg; and the creation of new scholastics officious to the political interests.

The above facts prove the decisive failure of the recent realm of scientific socialism, which is causing great unrest to the Soviet Authorities.

ГЛАВА I.

Убійство науки.

Много темных страниц неизгладимаго позора развернет исторія в своих главах об эпохѣ коммунистического владычества в Россіи, когда его архивы станут ея достояніем. Много выйдет на свѣт страшных, отталкивающих, кровь леденящих картин, нынѣ покоящихся под густым покровом лжи и лицемѣрія. Кровавыя анналы всѣх исторических «столиц мрака и ужаса» — языческой Ниневіи, императорскаго Рима, инквизиторскаго Мадрида— поблекнут перед чудовищными синодиками коммунистической Москвы. Но и в этой черной книгѣ есть одна страница, наиболѣе черная. В этом единственном в исторіи спискѣ неслыханных злодѣйств есть одно, перед которым блѣднѣют всѣ прочія. Имя этому злодѣйству:

— Убійство науки!

— Для всѣх остальных преступленій государственной власти удается подобрать оправдания с помощью нашего услужливаго софизма и

не в мѣру снисходительных нравственных понятій: но для этого нѣт оправданія. Всѣм можно, при извѣстных обстоятельствах, пренебречь ради недоказанных отвлеченных принципов, но наукой нельзя. Напротив, всѣм остальным должно жертвовать ради интересов науки, но ею нельзя жертвоовать ни ради чего. Всѣ остальные блага спорны и сомнительны; все иное в жизни людей и народов проходит,—но это остается. всякая иная, какая-бы то ни было реформа общественной или государствен. жизни всегда находит своих как приверженцев, так и противников, раздѣляет народы на два лагеря, спор между которыми не смолкает в теченіе ряда послѣдующих поколѣній, даже тогда, когда яблоко раздора между ними давно утратило свое практическое значеніе: Одни считали приведенную мѣру полезной, другіе вредной. Одни дѣйственно выиграли благодаря ей, но другіе неизбѣжно проиграли. Но однажды открытая научная истиница не теряет своего благоворительного значения никогда. Она может оказаться непризнана современниками, имя автора ея может быть забыто — но рано или поздно ея съмя даст свой росток пользы, как мумійская пшеница, по преданію, сохраняет тысячелѣтіями свою жизненную силу, таясь в сѣни пирамиды.

То бессмертіе, которое мы признаем исключительною особенностью твореній человѣческаго духа, заставляет нас инстинктивно придавать им такое непреложное безусловное значение. Мы охотнѣе можем принять оправданія для тѣх 120 голов, которых Марат требовал в качествѣ ежедневнаго заданія для гильотины, для смерти невиннаго младенца Людовика XVII, но мы не можем простить французским рево-

люціонерам, что Лавуазье казнили, не дав ему разрешенія кончить его научный труд. Всякое иное зло, самый грандіозный ущерб для народного достоянія и быта, может быть болѣе или менѣе полно возмѣщено щедрым временем. Но утраченная научная мысль, погибшая в мозгѣ своего творца, нсрѣдко пропадает для міра безвозвратно. Слишком часто человѣчество было свидѣтелем того, как столѣтія и тысячелѣтія оказывались бессильны возстановить такую потерянную находку. Мы готовы простить царю Ассурбанипалу его звѣрства, выдѣляющія его как особенно мрачную фигуру даже на мрачном фонѣ ассирийских династій: эти стѣны городов, обитая кожей их жителей, и колья, утыканые их головами;—за собранную им знаменитую библіотеку, сокровищницу восточной мудрости. И вот почему имя в андалов останется на вѣчные времена наиболѣе позорной кличкой недостойного человѣка звѣрства.

И вот в этом-то преступленіи — не просто тяжелом, но наиболѣе тяжком из всѣх возможных для государственного правленія — в вандализмѣ мы обвиняем теперь совѣтскую власть! Понятно, что именно страшная тяжесть обвиненія налагает на нас обязанность особенно внимательно отнести к доказательствам, к обоснованію улик и кажущимся доводам защиты. Спросим по порядку судебнаго разбирательства прежде всего самого обвиняемаго: признает-ли он себя виновным?

Отвѣт будет, несомнѣнно, самый недвусмыслиенный и рѣшительный: нѣт! Всякій приверженец совѣтской власти в Россіи, даже из числа тѣх, которые охотно признаются в иѣкоторых других ея „излишествах“ (по смягченному вы-

раженію), или даже готовы осуждать нѣкоторыя из них („оппозиціонеры“), однако смѣло и твердо скажет, что в этом отношеніи все благополучно, и даже хорошо. Коммунисты даже приведут доказательства в пользу своего взгляда — факты, цифры. Они станут даже утверждать, что это именно одна из тѣх сторон дѣятельности их правительства, которыми оно с наибольшим основаніем имѣет право гордиться. И замѣчательно, что они часто встрѣчают к себѣ довѣріе со стороны иностранцев, не склонных подвергать их оффиціальный показанія особенно внимательной пропагандѣ. В иностранных кругах нерѣдко можно встрѣтить мнѣнія в таком родѣ, что, мол, многое в современном россійском быту плохо, но зато уже наука процвѣтает и даже поставлена в особо благопріятныя условія для своего развитія. Положеніе науки представляет собою один из просвѣтов на пасмурном небѣ современной Россіи — утверждает, напримѣр, нью-йоркскій журнал „Current History“, помѣстившій в 1930 году обширную статью о русской наукѣ, основанную исключительно на данных совѣтского министерства народного просвѣщенія (Н. К. П.). Если-бы это было так, то, становясь на вышепозложенную точку зрѣнія, можно было бы надѣяться придумать извиненія для всѣх остальных злодѣйств совѣтской власти, для миллионов разстрѣлянных в ея безотвѣтных застѣнках, для десятков и сотен миллионов мучеников принудительного труда в городах и селах шестой части суши — и признать, что Россія обладает хотя и суровым, но все-таки культурным правительством. Но так-ли это?

Коммунисты, утверждающие, что наука в России при них процветает, приводят в доказательство цифры ассигнований на научную деятельность, постройку институтов, учреждение кафедр и прочие внешние признаки, казалось бы, благоприятные для подтверждения их взгляда. Они даже берутся утверждать, как, впрочем, во всем и вездѣ, что их правительство ассигнует на науку больше средств и вообще уделяет ей больше внимания, чѣм всякое другое. Особенно назойливы стали возгласы в таком родѣ послѣ начала так наз. „кризиса капитализма“, который, по словам коммунистов, распространяется и на „буржуазную“ науку.

Мы в настоящее время не располагаем цифровым и иным фактическим материалом, который позволил бы провѣрить правильность этих утверждений. Дѣйствительно ли в советской России расходуется столько средств на науку и дѣйствительно ли относительно больше, чѣм в других странах — мы об этом не беремся судить за неимѣнiem данных. Но нас это и не интересует, ибо вопрос решается не этим. Науку дѣлают не деньги и не зданія, а люди. На этот основной фактор всегда следует направлять главное внимание. И поэтому не то правительство принесет наибольшую пользу науке, которое отпустит на нее максимум средств, а то, которое наиболѣе правильно подойдет к подбору людей, способных к научной деятельности, и затѣм поставит эту послѣднюю в наиболѣе благоприятныя условія. Но и усло-

вія опять-таки выражаются в первую очередь не в помъщенніях и постройках, а в інших факторах, подробным разбором которых мы сейчас и займемся.

Основною цѣлью настоящаго очерка является проверка того, как разрѣшаются в совѣтской Россіи эти двѣ важнѣйшія задачи. По техническим соображеніям мы разсмотрим сначала вопрос об условіях научной дѣятельности, чтобы затѣм, если позволит мѣсто, перейти к подбору людей.

ГЛАВА II.

Свобода науки.

Лучший способ не стыдиться своей низости, это презирать высоту. Толстой: „Ходите в свѣтъ, пока есть свѣтъ“.

Является ли необходимым условием успешной научной деятельности свобода науки? Этот термин во все времена вызывал много споров и различных толкований. Немало находилось и весьма почтенных мыслителей, склонных вовсе отрицать значение свободы науки. Чтобы не основываться в дальнѣйшем изложеніи на неясно воспринимаемом, сомнительном понятіи, зайдем в первую очередь опредѣленіем того, что мы будем подразумѣвать под свободою науки и на какой вид свободы слѣдует признать за наукою неотъемлѣмое право.

Мы будем подразумѣвать под свободою науки — свободу научных выводов. Ученый берется за разбор какого-либо вопроса: искомый отвѣт за него никакою постороннею силою не должен быть предрѣшаен. Пред-

ставляется ли этот ожидаемый исход в форме альтернативной (да или нет), количественно-градуированной (изменение), или качественно-избирательной, никто не должен заранее предписывать ученому тот или иной выбор, ни возлагать на него нравственную или материальную ответственность за возможные выводы из такого и их последствия. В этом смысле на ученого, провозглашающего нам хотя бы печальное и разочаровывающее нас открытие, следует смотреть только как на глашатая, отнюдь не ответственного за содержание вести, порученной ему владычицей — Природой. Что же касается свободы приемов исследования, то это понятие всецело можно относить к отвлеченному аппарату научного мышления, к общим схемам опытов и наблюдений. По этому пункту можно совершенно не затрагивать вопроса о тех материальных средствах для добывания свидений, в которых ощущается надобность в некоторых областях знания, как и о том, что из них может или должно общество предоставлять в распоряжение исследователя.

Навряд ли найдется добросовестный мыслитель, притом ясно отдающий себе отчет в своих словах, который бы стал отрицать беспрекословную желательность самой неограниченной свободы науки в двух указанных пониманиях. Нельзя сказать каких-бы то ни было стиснений ея в этом смысле выступит особенно наглядно, если мы будем выбирать примеры из области точных наук и притом начнем с разбора самых простых, частных проблем. В самом деле, было бы очень странно, если бы ученому, производящему анализ какого-нибудь вещества, предписывали непременно

обнаружить в нем кислород и без дальнѣйших оснований упрекали его в «причастії» или не добросовѣстности в отвѣт на его заявленіе о том, что кислород в этом составѣ не содержится. Не менѣе странным было бы, если бы ученому вмѣнялось в безнравственный образ дѣйствій то, что в процессѣ изслѣдованій он прибѣгал, напримѣр, к электролизу, но не пользовался фенол-фталеином.

Но то самое, что кажется настолько очевидным, пока мы не выходим из круга таких элементарных и частных задач, к сожалѣнію, нерѣдко теряет свою ясность и в глазах многих, как только мы переходим к вопросам болѣе сложным и общим. Как много досадных недоразумѣній, приводящих нерѣдко к трагическим развязкам, можно было бы избѣжать, если бы все люди достаточно усвоили такую простую и приемлемую точку зренія на научное безпричастіе. Чтобы избѣжать обвиненія в злоупотребленіи послѣдним термином, дѣйственно с одной стороны рискованным, мы тотчас поспѣшим отмежеваться от одного пониманія свободы науки, котораго ложность тоже никѣм неопровергнуто дооказана, но по вопросу об оцѣнкѣ котораго могут возникнуть разногласія и между добросовѣстными мыслителями. Это вопрос о свободѣ постановки проблем. Имеетъ ли право ученый при выборѣ областей разработки руководствоваться всецѣло автономными соображеніями, как-то внутреннею связью отдѣльных частей теоретического зданія между собою, и совершенно закрывать глаза на их возможныя практическія приложенія? Имеетъ ли право общество, исходя из своих конкретных нужд, давать ученому опредѣленные

заказы, т. е. обращать его внимание на тѣ или иные предметы и требовать от него авторитетного отзыва о них? Короче говоря, наука для науки, или наука... не для науки? Одни отвѣтят на эти вопросы утвердительно, другіе отрицательно. Мы подвели-бы слишком шаткій фундамент под наши дальнѣйшіе выводы, не говоря уже о чрезмѣрном растяженіи настоящей вводной части, если-бы сейчас пустились в разсмотрѣніе по существу этого труднаго вопроса, по которому уже сказано и написано так много. Но такая неопределленность нисколько не повредит предстоящим доказательствам.

Навряд-ли у кого-нибудь возникнет сомнѣніе о принципіальной возможности примирить безусловное признаніе свободы научных выводов с подобным непредрѣшеніем вопроса о свободѣ выбора проблем. Если общество и вправѣ дѣлать распоряженія ученому, то во всяком случаѣ по такой схемѣ: «найди, чему равно А, а не по такой „докажи, что А равно Б“.

Обратимся теперь к существу вопроса и посмотрим, соблюдена ли свобода науки в том наиболѣе узком, очищенном, осторожном и бесспорном пониманіи этого термина, которое мы приняли — свобода выводов и приемов — в совѣтской Россіи. Попытаемся снова задать этот вопрос одному из приверженцев господствующаго в ней коммунистического режима, как мы это мысленно дѣлали с основным вопросом о процвѣтаніи или упадкѣ науки в ней. Обратимся к высказываніям ея официальных вождей. К вашему удивленію мы найдем в них отрицательный отвѣт на этот вопрос. Коммунисты прямо и смѣло отвѣтят:

— В совѣтской Россіи свободы науки нѣт!

Послѣ этого с нашей стороны естественно возникает ряд вопросов о том, может ли власть, лишающая науку свободы, считаться в каком-бы то ни было смыслѣ полезной для ея развитія, или, иначе говоря, может ли она какими-бы то ни было благодѣяніями возмѣстить наукѣ тот вред, который она ей причиняет, лишая ее свободы; и как, при этих условіях принять утвержденіе о благодѣтельном вліяніи совѣтской власти на науку? В отвѣт на всѣ эти сомнѣнія мы услышим со стороны коммунистов их извѣстный марксистскій тезис о том, что свободы науки нигдѣ нѣт и быть не должно.

Вот это-то послѣднее утвержденіе и надлежит в первую очередь провѣрить в свѣтѣ фактов.

Как извѣстно, коммунисты именуют „буржуазными странами“ всѣ вообще государства міра, кромѣ совѣтской Россіи. Исходя из своего принципа, они утверждают поэтому, что во всем мірѣ наука подчиняется классовым интересам буржуазіи — притом именно в смыслѣ выводов и пріемов, а не только постановки проблем. По этому поводу можно замѣтить, что дѣйствительно в исторіи прошлых вѣков наблюдалась случаи наказанія ученых за самое содержаніе сообщенных ими научных выводов. Достаточно привести в качествѣ примѣра хотя бы тѣ гоненія, которым свѣтская власть пап подвергала защитников геліоцентрическаго ученія Коперника. Такія дѣянія, понятно, не болѣе логичны или заслуживают нравственного оправданія, чѣм поступки єгипетских фараонов, приказывавших казнить гонцов, приносивших печальныя вѣсти.

Но зато вѣдь эти событія относятся к дальнему прошлому. А из современных цивилизованных государств только одна Россія может гордиться тѣм, что в ней сохранился пережиток этого варварства. Существует ли что-нибудь подобное вѣдь за границѣ?

Автор, который вздумал бы серьезно заняться разбором этого вопроса, очутился бы в очень неловком положеніи. На него стали бы смотрѣть, как на человѣка, который в современном образованнѣ обществѣ вздумал бы обстоятельно опровергать ту точку зреянія, что земля покоятся на трех китах. К сожалѣнію, в таком положеніи сплошь и рядом оказываются лица, ставящія себѣ цѣлью разоблаченіе продѣлок россійских коммунистов. Им приходится, напримѣр, иногда не на шутку доказывать, что гдѣ все издательское дѣло в странѣ монополизировано в руках одной партіи, там нѣт свободы печати. Поэтому такие люди не имѣют возможности уклоняться от разсмотрѣнія никакого вопроса, как недостойного их.

Но опровергнуть утвержденіе коммунистов об отсутствіи свободы науки за границей можно в нѣскольких словах. Вездѣ в просвѣщенных странах Запада можно исповѣдовать и открыто поддерживать любую теорію. В области почти каждой науки есть враждующія между собою школы ученых, которые всѣ имѣют возможность дѣйствовать гласно и легально. В біологіи есть приверженцы витализма и механизма; в молекулярной физикѣ сторонники корпускулярной (материалистической) и волновой — квантовой теоріи. В генетикѣ приверженцы ученія Дарвина и отрицающих ее новѣйших воззрѣній. В механикѣ одни защи-

щают принцип относительности Эйнштейна, другіе мнѣнія его противников. Даже в философіи и общественных науках, как ни близко, сравнительно, эти послѣднія могут соприкасаться с насущными житейскими интересами, всякой волен защищать тѣ взгляды, которые ему нравятся. Понятно, что этот список можно было бы продолжить как угодно далеко.

Какая-же разница в сравненіи с этим наблюдается в совѣтской Россіи? Один наглядный примѣр может лучше разъяснить дѣло, чѣм общія разсужденія. В 1930 году во всем свободном мірѣ заговорили о дэмпингѣ русских товаров, который вызывала совѣтская власть, злоупотребляя созданною ею-же монополіей внѣшней торговли. Для нас сейчас не имѣет существеннаго значенія, существует-ли упомянутый дэмпинг в дѣйствительности. Впрочем, по этому вопросу навряд-ли может быть два мнѣнія среди иностранных потребителей русских товаров. В частности, у нас в Китаѣ всѣ знают, что эти послѣдніе ввозятся сюда по минимальным цѣнам, не взирая даже на пересылку. В то-же время свѣдѣнія о крайней дороговизнѣ предметов первой необходимости в самой Россіи и их крайнем дефиците также никѣм не опровергаются.

Эти распространившіеся по всего міру слухи естественно заинтересовали главарей совѣтской власти в Россіи. Столъ же естественно для разрѣшенія возникших сомнѣній они обратились к авторитетным представителям науки — профессорам-экономистам. Но вопрос им был поставлен не так:

— Найдите, есть-ли дэмпинг или нѣт?
а так:

— Докажите, что дэмпинга нѣт!

и этим был в корнѣ нарушен принцип свободы научных выводов. В Москвѣ был назначен „диспут“ по вопросу о совѣтском дэмпингѣ, отличавшійся, подобно всѣм совѣтским „диспутам“ (антирелигіозным, политическим и проч.), тою странною особенностью, что одна из спорящих сторон на нем вовсе не присутствовала. Профессора читали доклады, в которых отрицали наличіе дэмпинга.

И неужели в довольно многочисленной толпѣ русских специалистов не нашлось ни одного, повѣрившаго мнѣнію о существованіи совѣтского дэмпинга, мнѣнію, столь распространенному во всѣх остальных странах міра? Это было бы странно! Почему же вездѣ за границей происходил горячій обмѣн доводами: вѣдь не было недостатка и в лицах, отрицающих наличіе дэмпинга? Вот это та самая неправдоподобная, противоестественная единогласность, которая всегда разоблачает подложность всякаго совѣтского голосованія, как на выборах в „совѣты“, так и научных „диспутах“. Единственный вывод, который вытекает из упомянутаго факта, вполнѣ согласуется с приведенным утвержденіем, которому, однако, теперь придется придать такую форму:

— Той свободы научных выводов, которая признается всѣми современными цивилизованными государствами, в совѣтской Россіи нѣт!

По поводу нарушенія свободы методов изслѣдованія можно привести один эпизод из громкаго дѣла группы статистиков во главѣ с Л. Гросманом в 1930 г. В „Правдѣ“ во время разбора процесса была помѣщена статья, обвинявшая почтенныхъ ученых в недобросовѣстном и

тенденціозном осв'щенії фактів. Суть дѣла заключалась в том, что при оцѣнкѣ итогов пресловутаго „соціалистическаго строительства“ статистики пользовались, как пріемом вычисленія геометрическою среднею вмѣсто обычной арифметической. Первая неизбѣжно меньше второй и этого простого факта казалось коммунистам достаточно, чтобы уличить ученых в умышленном преуменьшенніи совѣтских «достиженій». Обвинительная статья ни одним словом не касалась тѣх соображеній, которыя побудили статистиков сдѣлать такой своеобразный выбор. А так как, понятно, ни одно другое совѣтское изданіе не согласилось напечатать ни одного довода в их защиту, то мотивы отданного геометрической средней предпочтенія так и остались неизвѣстны русской читающей публикѣ. Может быть, приведенные ими аргументы оказались бы вполнѣ убѣдительны и тогда пришлось бы заключить, что наблюдаемое пониженіе цифр заключается не в злом умыслѣ наблюдателей, а в самой природѣ вещей. Всѣ эти возможности нисколько не интересуют коммунистическое начальство, для которого важно получить цифры как можно больше, а не как можно ближе к дѣйствительности. С его точки зрењія, напримѣр, статистики поступили бы очень похвально, если бы воспользовались среднею квадратическою, которая всегда больше средней арифметической, хоть в пользу ея нѣт никаких серьезных соображеній. Из всего этого видно, что обвиненіе, выставленное против несчастных статистиков, отнюдь не было основано на дѣловых возраженіях, а представляло только особую форму угнетенія свободы методов ізслѣдованія и проявленія коммунистического произвола.

ГЛАВА III.

Принудительная философія.

За границей много говорят о принудительном труде в советской России. Правда, это понятие истолковывается здесь слишком узко, так как под ним обычно подразумевают только каторгу („лагеря особаго назначенія“, „гужевую повинность“, „буксирные бригады“,) и прочия частности. В действительности всякий труд в советской России принудителен. Но как ни возмутителен этот реакционно - атавистический возврат к рабству послѣ того, как оно было отменено даже в Абиссиніи перед ея принятіем в Лигу Націй — справедливость требует признать, что принудительный труд не составляет изобрѣтенія советской власти. Был он известен и в Россіи до 1861 года, в Америкѣ до 1871 года, да и с древнейших времен рабство входило, как существенная часть, в устройство многих человѣческих обществ. Коммунистам только принадлежит ініціатива возрожденія этого, казалось бы, оставленного человѣчеством учрежденія в новых условіях,

под новыми кличками. Но за ними же нераздѣльно остается честь изобрѣтенія дѣйствительно неслыханной чудовищной формы насилия, на этот раз в сферѣ духовной, которой даже самое опредѣленіе кажется уродливо противорѣчивым и неохотно воспринимается; это принудительная философія.

В этой до неправдоподобія оригинальной роли выступает философское ученіе діалектическаго материализма, иначе называемое по имени свсего основателя марксизмом. В задачи настоящаго очерка ни в какой мѣрѣ не входит изложеніе содержанія этой теоріи. Здѣсь, в условіях свободного міра, читатель всегда может ознакомиться с нею по первоисточнику или по изложенію в одном из многих извѣстных курсов то, чего не может сдѣлать житель совѣтской Россіи в отношеніи ученій противных марксизму или хотя бы отличных от него. Для пониманія дальнѣйшаго здѣсь будет достаточно ограничиться самыми бѣглыми замѣчаніями. Термин «материализм» употребляется разными авторами в разных смыслах. Маркс заимствовал свойственное ему пониманіе главным образом у Фейербаха. В толкованіи послѣдняго философскій материализм отнюдь не включает в себя полнаго отрицанія реальности духовнаго бытія, как это утверждают нѣкоторые, но только признает примат перед ним материальнаго міра, или, выражаясь словами извѣстной формулы, рассматривает сознаніе как функцию бытія, но не наоборот. Что же касается діалектики, то она представляет собою метод научнаго мышленія, окончательное и наиболѣе совершенное выраженіе которому даль Гегель. Синтез материалистического міросозерцанія Фейербаха с діалектиче-

ским методом Гегеля принадлежит Марксу. Мы все, конечно, не хотим сказать послѣдней фразы, что этим труды его и ограничиваются. Если нам встрѣтится надобность в ходѣ дальнѣйшаго изложенія в дополнительных свѣдѣніях по существу ученія діалектическаго материализма, их всегда можно будет восполнить в видѣ полуутных примѣчаній в самом текстѣ.

Обратимся, как и во всем, прежде всего к разсмотрѣнію тѣх доводов, которые приводят коммунистические лидеры в пользу философіи діалектическаго материализма, своего пристрастія к которой они нисколько не скрывают. Согласно утвержденію, встрѣчающему часто в офиціальной совѣтской печати по научным вопросам, признаніе діалектическаго материализма в теоріи и на практикѣ является для научнаго работника необходимым условіем успѣшности его дѣятельности. Это значит, что только указанный метод может обеспечить научному мышленію силу и привести его к истинным открытиям. Поэтому для всякаго ученаго, желающаго содѣйствовать прогрессу разрабатываемой им отрасли знанія, необходимо изучать философію діалектическаго материализма по первоисточникам и всемърно стремиться осуществлять ее в ходѣ собственныхъ изслѣдований.

Изложив таким образомъ воззрѣнія коммунистических заправил в наукѣ, мы разберемъ их обстоятельно, сначала по существу, а затѣмъ по формѣ. Вѣрно-ли, прежде всего, то, что для успѣшности научной дѣятельности в какой бы то ни было области необходимо изучать и исповѣдовать какую-бы то ни было опредѣленную школу философіи?

Исторія положительних знаній дает совер-
шенно опредѣленный отрицательный отвѣт на
этот вопрос. Крайнія точки зрењня на него
можно представить нѣсколько грубо с помощью
слѣдующих двух упрощенных схем, которыя
мы заимствуем из басен Крылова. Адепты по-
ложительных наук, отрицающіе полезность для
них философіи, с точки зрењня своих против-
ников подобны свиньѣ, которая поглощает
жолуди дуба и подрывает его корни. Задѣ-
тыя эгим сравненіем лица в отвѣт на него
представляют науку в видѣ работающаго быка,
а философію в видѣ мухи, которая кружится
на его рогами и думает, что тѣм оказывает ему
помощь. Конечно, и та и другая крайняя
схема представляет дѣло в преувеличенніи
видѣ. Уже точнѣе изображает истинное вза-
моотношеніе слѣдующая третья, промежуточ-
ная. Если мы примем взгляд, выраженный
Льюисом в его исторіи философіи, что прогресс
науки носит поступательный, а философіи вра-
щательный характер,¹ то взаимодѣйствіе между
обоими видами движенія окажется таково же,
как между колесом и телѣгой. Поступательное
движеніе телѣги невозможно, если не вертится
колесо. Но из этого отнюдь не слѣдует,
что вращательное движеніе колеса можно раз-
сматривать как причину, которая самостоятель-
но вызывает поступаніе телѣги. Вопрос этот
снова не так уже прост, чтобы нам можно было
заняться здѣсь его разрѣшеніем в общем видѣ.
Одно только можно утверждать с увѣренностью,
опираясь на факты; каково-бы ни было взаимо-
дѣйствіе философіи и науки в смыслѣ пользы,
которую одна из них приносит другой, оно
отнюдь не должно выражаться в том, чтобы

ученому, желающему приносить пользу по своей специальности, необходимо было глубоко разбираться в философии и притом исповедовать в ней какую нибудь определенную, наиболѣе совершенную школу.

Исторія подтвердила это. Вспомним имена тѣх великих геніев, которые закладывали краеугольные камни цѣлых научных зданій. Далеко не всѣ они были знатоками философіи. Многіе имѣли о ней довольно наивное понятіе, как о предметѣ совершенно чуждом и не касающемся их. В частности, далеко не всѣ были сторонниками материализма. Вспомним хотя бы Ньютона, этого идеалиста и мистика. Если богословскіе труды конца его жизни и ничего не прибавили к славѣ его открытій по физикѣ то, вѣдь, и не умаляют ея! Максвелл придерживался такого же міросозерцанія религіознаго спиритуализма. Всѣм извѣстна примитивность философскихъ воззрѣній Дарвина, которая не возвышала его над уровнемъ средняго обывателя. Великіе предтечи и творцы теоріи относительности XX вѣка высказывались какъ противники философскаго материализма. Мах далъ довольно слабое обоснованіе электическаго солipsизма, а Пуэнкаре блестящую систему возвышеннѣйшаго идеализма. Неужели эта картина не доказываетъ съ убѣдительностью, что возможны самые крупные успѣхи — въ наукахъ безъ обязательнаго пониманія и признанія философскаго материализма? Мы встрѣчались въ приведенномъ спискѣ съ людьми, вовсе не понимавшими философіи или придерживавшимися въ ней другихъ системъ. И многимъ или малымъ были эти люди сами обязаны философіи, но философія имъ самимъ обязана очень многимъ: доста-

точно назвать хотя бы опять того же самого Дарвина для подтверждения этого взгляда. И у кого из нас хватит смелости заявить, что эти люди могли бы сдѣлать еще больше, чѣм они нам дали, если бы они исповѣдовали философскую доктрину, правильную с нашей точки зрения? Это значило бы стать в роль Крыловского осла, совѣтующего соловью поучиться пѣнью у пѣтуха.

На каких-же доводах коммунисты обосновывали свое утверждение спасительностиialectического материализма при таком подавляющем изобилии противорѣчащих примѣров? Мы можем без опасенія искать отвѣта на этот вопрос в любом рекомендованном коммунистическом руководствѣ. Вездѣ мы найдем одно и тоже: ссылки на авторитет Энгельса и больше ничего. Из трудов этого автора цитируются только „Анти-Дюриング“ и „Діалектика природы“. Послѣдняя книга представляет собою сборник отдѣльных статей и отрывков, неизданных при жизни автора.

Обратимся сначала к свойственному одним только коммунистам своеобразному приему научного доказательства „от авторитета“. Правда, и этот способ можно скорѣе упрекнуть в архаизмѣ, чѣм в черезчур смѣлом модернизмѣ. Мнѣнія Ленина, Энгельса, Кагановича и др. точно так-же не подлежат в их средѣ обсужденію и провѣркѣ, как в средніе вѣка считались непреложными сужденія отцов церкви и Аристотеля. Всякая система философіи, основанная на догматѣ непогрѣшимости такого рода авторитетов, каковы-бы они ни были, и осужденная поэтому ограничиваться истолкованіем и перевеживаніем их слов, называется, как известно,

схоластикої. Это понятіе казалось тоже давно уже сданным в архив; и снова только коммунистам принадлежит честь возрождения его из мертвых.

Что-же можно, в самом дѣлѣ, серьезно возразить против такого пріема научной полемики? Начать-ли с жаром отстаивать азбучные истины о том, что в наукѣ нѣт авторитетов, которые во всем просвѣщенном мірѣ так-же пріѣлись и звучали-бы такою-же банальностью, как-то, что знаніе сила или что о вкусах не спорят? Но что прикажете дѣлать, если коммунисты не понимают или отказываются понимать то, о чём было-бы неловко даже заводить спор между уважающими себя и цѣняющими свое время людьми? С их стороны это не смѣлая попытка разоблаченія давно и глубоко укоренившихся общественных предразсудков, а просто недобросовѣстный пріем злоупотребленія невозможностью возраженія. Вторично нам приходится примириться с печальною необходимостью ломиться в открытую дверь и обстоятельно доказывать то, в чём никто не сомнѣвается всерьез. Станем на собственную точку зрѣнія коммунистов и их доводы „от авторитета“ постараемся отразить тоже авторитетами.

Но тогда окажется, что именно с этой то стороны сравненіе для них невыгодно. Энгельс был специалистом только по опредѣленной отрасли общественно-экономических наук. Другой вопрос, насколько и по этой части он может считаться солидным ученым. Но при современном объемѣ разносторонних фактов смѣшно было бы и думать, чтобы один человѣк мог совмѣстить в себѣ дѣйствительно глубокія свѣдѣнія по всѣм

областям знанія. Енциклопедическіе ученые в буквальном смыслѣ этого слова давно стали невозможны, когда нѣкоторыя даже отдельные дисциплины, как напримѣр физика и математика, разрослись до такой степени, что время, необходимое для основательного ознакомленія с ними, превышает продолжительность человѣческой жизни. Приходится поневолѣ признать, что в области большинства наук нельзя даже ставить вопрос об авторитетности Энгельса, независимо и от принципіального принятія или непринятія научных авторитетов, так как Энгельс был в них попросту невѣжествен. Это выраженіе нисколько не является оскорбительным для памяти ученаго, но заключает в себѣ констатацио факт, столь же безспорного, как то, что Гете был невѣжествен в математикѣ или Ньютон в медицинѣ. Если же мы обратимся с вопросом о цѣнности материалистической философіи для развитія хотя бы физико - математических наук к тѣм лицам, по поводу которых есть извѣстный смысл ставить вопрос об авторитетѣ — к какому мы придем результату? Он уже извѣстен нам из предыдущаго изложенія. Не говоря уже о таких дѣйствительно выдающихся творцах положительного знанія, как Пуэнкаре и Мах, которые, помимо своих специальных трудов дали, или пытались дать, прямое обоснованіе идеалистической философіи — мы найдем еще цѣлый ряд таких, которые, хотя и не удѣляли времени этому вопросу отдельно, попутно, однако, высказывались в том же смыслѣ. И когда в их числѣ нам придется встрѣтить имена Ньютона, Максвелла, Эйнштейна — их будет довольно для того, чтобы заключить, какая

чаша перевісит.

Ітак ми видим, що самая постановка вопроса о взвишуванні авторитетов по поводу полезності матеріалістического міросозерцання для всіх без ісклучення наук — невигодна для захисту мніння коммунистов. Но тогда, може бути, они поступили неблагоразумно, чо приб'яли к ней и достигли бы лучшаго результата, если бы д'йствовали с помощью д'льових доводов? Может быть, Энгельс, и не будучи патентованым авторитетом в точных науках, все-таки случайно высказал по поводу их весьма глубокія и м'якія соображенія? В этом не было бы ничего принципіально невозможного. Всякому желающему непосредственно убедиться в том, так ли это, достаточно обратиться к первоисточнику: прочитать тъ главы в полемическом труде Энгельса „Анти-Дюринг“, в которых он говорит о діалектике: „Качество и количество“ и „Отрицаніе отрицанія“. Два-три наудачу выбранных прим'єра, заимствованные им из области математики, признаются, повидимому, его послѣдователями достаточным основанием для того, чтобы включить все безграничное поле этой науки в область господства діалектики.

Коммунисты лучше всего могли бы проявить то уваженіе, которое они питают к памяти Энгельса, если бы они вовсе не ставили вопроса о самостоятельной убедительности приводимых им доводов. Просматриваю математическую разсужденія почтенного экономиста, всякий ребенок может заметить их легковѣсность, поверхность, несомнѣнныне признаки того, что автор ограничивается общими впечатлѣніями, д'йствующими на воображеніе, даже не пытаясь

охватывать совокупность фактов. Основная понятія, на точном пониманії которых поконится вся убѣдительность аргументації, вовсе не опредѣляются и то обращеніе, которому подвергает их автор, наглядно свидѣтельствует, насколько сбивчивы и неясны его собственные представлениія об их смыслѣ. Возьмем, прежде, всего, понятіе „отрицанія“. Одна из основных формул діалектики заключается в том, что всякое явленіе (тезис) переходит в свое отрицаніе (антитезис), чтобы затем вернуться к прежнему направлению, но уже на высшей ступени, (синтезис). Понятно в силу этого, какое значение имѣет для научности діалектической системы понятіе отрицанія и как важно поэтому с самого начала строго его опредѣлить и осторожно с ним оперировать. А как поступает с ним Энгельс? Не беремся судить о том, насколько убѣдительны аргументы, приводимые им из материалов соціологии, но вот его выкладки по элементарной алгебрѣ, несомнительность которых очевидна всякому школьнику. Возьмем величину a , разсуждает Энгельс. Если мы ее отрицаем, получится — a . Подвернем теперь отрицаніе отрицанію: помножим — a на — a : получится a^2 . Таким образом мы вернемся к прежнему знаку, но на высшей ступени — во второй степени, и основная формула діалектики оказывается буквально соблюдена. Может ли из этого примѣра читатель понять, какой смысл слѣдует придавать термину «отрицаніе» и понимает ли это сам Энгельс?

Коммунисты предлагают подчинить математику, наравнѣ с другими науками, «идеологической гегемоніи» діалектического материа-

тизма, как выразился один из их научных комиссаров, Семковский, в своей «Марксистской крестоматии». Науку, в которой каждая частность подвергается кропотливому и прицельному разбору, где такое тщательное внимание обращено на определения и оговорки, хотят подчинить философской доктрине, в которой господствует такая путаница и неразбериха в самых элементарных понятиях. Хорошую услугу ей этим оказывают!

Из примѣров Энгельса, относимых им к „высшей“ математикѣ, приведем один, достаточно характеризующій, как освѣдомленность Энгельса в тѣх вопросах, о которых он берется судить, так и вѣскость его аргументациі. Две кривыя, говорит философ, которыя на наших глазах пересѣклись, уже в нѣскольких верстах от точки пересѣченія приходится рассматривать, как параллельныя. Может быть, читатели будут счастливѣе нас и найдут какой нибудь смысл в этом утвержденіи...

У нас не хватает духа продолжать серьезный разбор остальных выдвигаемых Энгельсом доказательств в таком-же родѣ, при всей заранѣе взятой рѣшимости не останавливаться перед самыми общими пошлостями. По точному смыслу нѣкоторых его суждений в той-же главѣ, напримѣр, должно существовать тождество — $a = 0$, чему-бы ни равнялось a , ибо нуль есть отсутствіе, отрицаніе всякой величины, а, значит в том числѣ и a .... Будучи специалистом по математикѣ, автор не берется судить о степени обоснованности доводов Энгельса, относящихся к общественным наукам и этим (надѣюсь, что не впадаю в самохвалство) — этим выгодно отличается от Энгельса,

который въщает тоном знатока о тѣх предметах, в которых ничего не смыслит, но при таком общем легкомысліи а ргoи как-то трудно ожидать от него хорошо обдуманных сужденій даже по спeциальности.

Подойдем теперь к вопросу с другой стороны — на этот раз не по существу, а по формѣ. Совершенно независимо от того, признаем ли мы діалектику спасительным или гибельным методом для научнаго мышленія — она не может не быть гибельна в качествѣ именно принудительной философіи, внѣдряемой мѣрами административнаго воздействиія. Такое положеніе нарушает свободу пріемов изслѣдованія. Обратимся теперь к разсмотрѣнію тѣх мѣр угнетенія, которыми совѣтская власть стремится воздѣйствовать на науку.

ГЛАВА IV.

Коррупція.

Для этой цѣли прежде всего она стремится насыщать всѣ научныя учрежденія и корпораціи «своими» людьми: коммунистами и «сочувствующими». Как извѣстно, предметом особенной гордости совѣтской власти является большое число аспирантов в совѣтской Россіи. Согласно официальным свѣдѣніям, это количество даже превышает общую сумму числа аспирантов во всемъ остальномъ мірѣ. Опять таки не станемъ здѣсь вдаваться въ оцѣнку и провѣрку этого утвержденія, какъ несущественнаго. Что-же касается способа и принциповъ «выдвиженія» аспирантовъ, по совѣтскому характерному выраженію, то этотъ вопросъ уже относится къ отбору людей. Здѣсь мы ограничимся только указаніями на то, какую въ действительности роль играетъ большинство этихъ лицъ подъ видомъ «подготовки къ научной дѣятельности».

Из них советская власть вербует свои штаты научных лакеев и шпионов. Наиболее цѣнным видом научного труда по любой специальности стало печатное указание властям на неблагонадежный образ мыслей какого нибудь признанного деятеля в ней, т. е. публичный донос. Подобного рода статьями и докладами полны все советские журналы и научные конференции. Самым вѣрным способом добиться ученой степени или определенного поста стало оклеветать перед начальством лицо, уже занимающее желаемую должность, и таким образом добиться его низложения. Мы могли бы привести цѣлый ряд примѣров, иллюстрирующих эту картину нравов, но нас останавливает одно препятствие. Упоминать здѣсь в заграничной печати имена жертв советского террора и описывать переносимые ими страдания отнюдь не значит содѣйствовать облегченію их участія, а наоборот, навлекать на них дополнительная горенія. Варварскій институт заложников, из всего міра сохранившійся только в советской Россіи, зажимает рты не только ея жителям, но и многим покинувшим ея границы. Но первые могут всегда подвергнуться еще болѣе жестокому издѣвательству. Если в свободном мірѣ появится разоблаченіе дѣйствій советских палачей, их жертв иногда могут заставить опубликовать за собственной подписью опроверженіе. О мѣрах вымогательства здѣсь неумѣстно было бы распространяться. Но никто, знакомый с истинным положеніем дѣл, не осмѣлитсѧ упрекнуть в малодушіи несчастных, которые уступают им, как или не станет удивляться странному молчанию бѣженцев из советского плѣна, которые даже на волѣ не рѣ.

шаются рассказывать обо всех видѣнных и пережитых ими ужасах. Но время обнаружит все.

Пока отмѣтим одну любопытную особенность совѣтской литературы доносов: их характер чисто формальных придирок. Если какойнибудь ученый попадется в словесном неуваженіи к священной діалектицѣ — это обстоятельство тотчас же подхватывается глубокомысленными оппонентами. Они пишут на эту благодарную тему обстоятельныя статьи, охотно принимаемыя официальною прессою всякаго разбора, в которых не скучается на крѣпкія выраженія по адресу личности, но избѣгают подробно цитировать разбираемое произведеніе, а приводимых автором в пользу своей точки зрѣнія доказательств не упоминают ни в каком случаѣ. Для них достаточно факта: отреченіе такого-то, имя рек, от діалектики. Сами вооруженные этим непогрѣшимым методом, они выкапывают „классовые корни“ „чуждой идеологии“ своей жертвы — т. е. выводят обнаруженныя в ея твореніях „ошибки“ от профессіи ея родителей и прародителей. Взамѣн недостающих выдержек из рецензируемаго произведенія они обильно цитируют Ленина, Сталина и постановленія коммунистических съездов, снабжая их своими одобрительными примѣчаніями. „Организационныя“ послѣдствія, в смыслѣ увольненій и назначеній, также не заставят себя долго ждать.

Но такая кампанія травли и преслѣдованія, происходящая, кстати сказать, всегда при вынужденном молчаніи ея объекта — всегда обрушивается только на неосторожного, осмѣлившагося на словах оскорбить величество

діалектическої методології. А на дѣлѣ? Почти никогда не встրѣчаются доносы на то, что такой-то ученый в ходѣ своего изслѣдованія по существу нарушил принципы діалектики, хотя и не выразил открыто своего презрѣнія к ним. При всей старательности и заинтересованности шпіонов им не удается обнаружить такое скрытое отступничество. И вот гдѣ самое лучшее разоблаченіе основной фальши. В примѣненіи к большинству точных и естественных наук нѣт смысла даже ставить вопрос, соблюдана в них діалектическая послѣдовательность или нѣт. Математик излагает свой способ нахожденія величины, дотолѣ неизвѣстной. Врач открыл средства, улучшающія состояніе организма в опредѣленных условіях. Тот и другой труд полезны — в этом не осмѣливаются вслух выражать сомнѣніе даже коммунисты, ничего не понявши€ в существѣ дѣла, чтобы не разоблачить перед всѣм свѣтом своего вандальскаго лица. Но как потом провѣрить, вполнѣ ли діалектичен столь благотворный курс лѣченія? Хорошо, если автор поможет в этом отношеніи своим рецензентам, проговорившись гдѣ-нибудь в текстѣ, что он о діалектицѣ ни разу и не вспомнил, пока наблюдал за состояніем своего пациента и за ходом опыта. Тогда есть всѣ основанія к тому, чтобы отказать ему в заслуженной научной степени и покарать как „классового врага“. Что же касается до сдѣланного „классовым врагом“ открытия, то им можно пользоваться для лѣченія не только „пролетаріев“ — для этих всякое лѣченіе хорошо, но и комиссаров в случаѣ надобности. Для оправданія этой кажущейся непослѣдовательности подоспѣет готовая теорія „безсозна-

тельной діалектики". На содер жаніи ея мы не им'єм возможности здѣсь останавливаться из-за недостатка мѣста. Но читатель может получить достаточно ясное представлениe о ея характерѣ, если ознакомится съ весьма близко напоминающею ее доктриною „латентной вѣры“ у средневѣковых схоластиков.

До сих пор мы занимались подробным разбором тѣх показанных, гласных мотивов, которыми коммунистическое начальство пытается оправдать предпочтеніе, отдаваемое им діалектическому материализму. Тщательный анализ клонился к обнаруженню несостоятельности этих предлогов и лицемѣрной надобности официальных объясненій. По этому поводу возникает вопрос об истинных, но скрываемых мотивах. Попытаемся высказать посильные догадки к его разрѣшенію.

Прежде всего слѣдует отмѣтить, что общественные науки находятся по отношению к данному вопросу в особых условіях по понятным причинам. Но именно по отношению к общественным наукам легче всего объяснить своеобразное пристрастіе коммунистов. Діалектический метод был, повидимому, дѣйствительно необходим Марксу для обоснованія его теоріи соціализма. Есть всѣ основанія предполагать, что этот же метод съ характерным для него своеобразным уровнем требованій к строгости научных доказательств, о котором мы могли уже составить себѣ представлениe по приведенным отрывкам из Энгельса — приносит еще больше услуг послѣдователям Маркса в современной Россіи для выгораживанія нѣкоторых рискованных пріемов их политики. Можно было бы прийти к очень интересным выводам из этого хода

мыслей, но мы не желали бы сейчас слишком расширять рамки нашей темы. Все это, однако, совершенно не в силах ни отстранить, ни хотя бы частично разрешить другой вопрос, который напрашивается со всею неизбежностью. Можно даже считать установленным, что діалектический метод дѣйствительно приносит пользу в общественных науках—если не изслѣдователям для обнаружения истины, то, по крайней мѣрѣ, хитроумным политикам для придания благовидной мотивировки своим стратегиям. Но все-таки для чего провозглашать его единственным приемлемым для всѣх без исключения наук? Вѣдь в этом не представлялось непосредственной необходимости с точки зренія нужд пресловутаго „соціалистического строительства“. Сверх того, таکая оголтѣлая универсальность в корнѣ противорѣчит самим принципам діалектического материализма. Он же учит нас, что „истина всегда конкретна“. Он окрещивает презрительным именем „метафизики“ всякий тезис, претендующій на отвлеченное от всѣх условій времени и мѣста значеніе. Приверженцы діалектического материализма сами нарушают свою теорію, отрицая всякия граници ея примѣнимости.

Психологические корни этой непослѣдовательности, по нашему мнѣнію, заключаются в слѣдующем. Специалистам всегда свойственно некоторое пристрастіе к своей области дѣятельности и, как естественное слѣдствіе из нея, склонность безсознательно преувеличивать ея значеніе. В предисловіях к цѣлому ряду учебников по отдельным дисциплинам, написанным иногда даже очень почтенными учеными, нерѣдко можно найти довольно наивные объясненія

о том, почему именно данная наука является самой важной и лучшей. Такая постановка вопроса, конечно, совершенно излишня. Но самую слабость можно в известных случаях понять и извинить. Оставаясь в рамках таких безответственных словесных примѣчаній, она, во всяком случае, никому не вредит.

Послѣвоенные диктаторы Россіи — Ленин, Бухарин и Сталин — вмѣстѣ с тѣм являлись отчасти специалистами по общественным наукам. Мы можем согласиться с этой формулировкой, нисколько не предрѣшая тѣм вопроса об их подлинном научном вѣсѣ. Как таковые, они легко могли стать жертвой упомянутаго общаго пристрастія. Но здѣсь, к сожалѣнію, невинныя научныя прихоти совмѣстились в одном лицѣ с неограниченною властью азіатскаго деспота. И та черта характера, которая при других условіях стала бы комической, здѣсь привела к трагическим послѣдствіям. Исторія уже видѣла подобные примѣры в артистических увлеченіях Нерона и научных Марата, как и в рядѣ других случаев. Не понимая подавляющаго большинства наук, коммунистические тираны втайнѣ презирали их и мечтали без труда подчинить своему вліянію. Роковое назначеніе фельдфебеля в Вольтера! Если діалектический матеріализм хорош для меня, удобен в моей работе, то чтобы и всѣ преклонялись перед ним: а пикнете, так мигом успокою — вот его доводы. Самодурство невѣжества одно могло породить этот безобразный вымысел — принудительную философію.

Вот что мы встрѣчаем со стороны начальства. А что противостоят ему угнетаемые им беззащитные ученые? Не станем требовать

от них того, что они не могут дать, — голоса негодованія. Но хотя-бы тот грустный протест молчанія, который и в прежніе вѣка был удѣлом русского долготерпѣнія — его, быть может, мы вправѣ были бы ожидать?

Нѣт спора, есть и среди современных русских ученых безстрашные герои, чья любовь к истинѣ не уступала разгулу красных опричников. Но мы не можем здѣсь даже называть их доблестныя имена — по причинам, указанным выше. Достойныя почести им воздаст только будущее. Но мы не только вправѣ, а и обязаны, без пощады к именам и даже их прошлой почетной извѣстности, разоблачить постыдное малодушіе людей, промѣнявших свою научную славу на ласки сильных міра сего. Этот позор русского народа слѣдует не скрывать, а гласно обличать во избѣжаніе повтореній в будущем. Но особенно тяжело то, что при этом мы вынуждены возмутить тѣни усопших, притом таких, прежняя дѣятельность которых должна была бы обеспечить им право на вѣчную благодарность потомства...

La mort de tout temps fut l'asyle de la gloire.

Rien ne doit jusqu'ici poursuivre une memoire,

Rien, excepte la verite.

Да облегчит нам этот лозунг Ламартина печальную необходимость потревожить прах Тимирязева, выдающагося автора „Жизни растений“, переведенной на нѣсколько европейских языков и выдвинувшей русскую ботанику на почетное мѣсто в мірѣ. Но на ярком фонѣ его былых заслуг особенно рѣзко выдѣляется темное пятно его послѣдних лѣт. Престарѣлый профессор предпочел своему славному имени пост члена московскаго городскаго

совѣта, который он раздѣлял с жандармами с Лубянки и обманутыми ими темными холопьями. Он-же выступал в печати, утверждая, что наука может процвѣтать только в „пролетарской“ странѣ. Ученый забывал, что большая и лучшая часть его собственной дѣятельности протекала в эпоху монархіи и, однако, никто не стѣснял тогда его духовной свободы.

Не будут забыты и заслуги Бехтерева, внесшаго цѣнныій вклад в наши познанія о человѣческом мозгѣ. Но он не удовлетворился справедливым почтеніем специалистов и захотѣл болѣе вещественных благ. Для этой цѣли он воспользовался основанным им в Петербургѣ институтом для изученія мозга великих людей. В извѣщеніи об открытии этого института содержалось между прочим такое утвержденіе, что только революція выдвинула в число великих людей тѣх, кто иначе может быть пропалбы в неизвѣстности: Фрунзе, Дзержинскій... Вот на каких великих людей был расчитан институт Бехтерева. Но его подобострастной мечтѣ не суждено было осуществиться Бехтерев не долго прожил послѣ этого, и его собственный мозг очутился в качествѣ первого предмета изслѣдованія основаннаго им института. Одно из послѣдних его произведеній „Коллективная рефлексологія“ не оставляет желать ничего лучшаго по части примѣненія діалектическаго метода, но по силѣ и серьезности обоснованія нисколько не напоминает прежних твореній Бехтерева. Тѣм не менѣе оно принесло ему, может быть, больше лавров — но другого рода.

С болѣе легким сердцем мы переходим к

разряду живых в этом спискѣ, постыдном для них, но прискорбном для всего русскаго народа. Академик Марр прославил себя изслѣдованіями памятников древняго населенія Малой Азіи — хѣттов. Впослѣдствіи обратила на себя вниманіе предложенная им так называемая іафетическая теорія в языковѣдѣніи. Но и он унизился до болѣе дешевых пріемов. В «Совѣтской Энциклопедії», этом весьма сенсаціонном изданіи, об оригинальной исторіи котораго рѣчь будет впереди, Марр редактировал отдѣл языковѣдѣнія. В ней можно найти объясненія, в точности соотвѣтствующія спасительной методологіи діалектическаго материализма и вкусам совѣтской цензуры: о том, напримѣр, как какой-нибудь грузинскій язык классово дифференцировался, как в нем со временем выдѣлились феодальныи и буржуазно-капиталистические элементы и пр.

Петербургскій Эрмитаж, который еще недавно был одной из первых художественных сокровищниц міра, превращен теперь Сталиным в лавочку, на выручку с которой он зашивает прорѣхи «соціалистического строительства». Правда, послѣ этого поступка никто уже не станет смѣшивать Петербург с Ленинградом. Но Марр рѣшился вознаградить музей за его потери: Мадонну Альбу и 4 другія картины Рафаэля, Елену Фурман Рубенса, нѣсколько десятков других шедевров Тиціана, Ван Дика, Андреа дель Сарто и др. С этой цѣлью он открыл в нем Восточный отдѣл, развернутый в нарочно для этого отведенной смежной части Зимняго дворца. Это пріобрѣтеніе заранѣе долго афишировалось и рекламировалось в газетах. И что-же представилось глазам по-

сътителей послѣ продолжительного напряжен-
наго ожиданія? Во вновь открытых залах не
было почти никаких экспонатов, кроме фотогра-
фій мѣст раскопок и стоянок недавней
экспедиціи. Зато всѣ стѣны были вплотную
увѣшаны плакатами, многословно прославляв-
шими «пролетарскую классовую науку» и
Россію, как единственную страну в мірѣ, гдѣ
вообще она может развиваться свободно. Так
были возмѣщены утраты Эрмитажа...

Не менѣе крупною научною силою являлся
и академик Іоффе, в послѣднее время директор
Петербургскаго Физико-Техническаго Институ-
та. Всемірное признаніе заслужили его изслѣ-
дованія по изученію пространственной рѣшетки
кристаллов и другим вопросом атомной теоріи.
Но в послѣдніе годы и Іоффе запятнал свое
добroe имя неоднократными выступленіями в
совѣтской печати — «Ізвѣстіях» и др. газе-
тах. В них он стал придерживаться того
взгляда, что во всѣх «буржуазных» странах
наука находится в полном упадкѣ и может
процвѣтать только в совѣтской Россіи. Мы
нисколько не хотим умалять положительные
вклады Іоффе в физику. Патріотическое чув-
ство обязывает нас благодарностью к нему за
ту высоту, на которую он со своими учениками
вознес русскую науку. Но безпристрастно
произведя сравненіе, мы не можем признать
его утвержденіе справедливым. Если мы со-
поставим, с одной стороны, науку «буржуазна-
го» Запада — Германіи, Англіи, Голландіи,
Франціи, С.-А. С. Ш., Австріи, Норвегіи,
Италіи — а с другой стороны всю «пролетар-
скую» науку, сосредоточенную, увы, пока в
одной только Россіи — вывод будет не в его

пользу. Непріятно было бы вдаваться в разбор мотивов, побудивших знаменитаго физика на такое выступление наперекор всякой очевидности.

Характер всего изложения становится, понятно, менѣе щекотливым, как только мы от этих столпов русской науки переходим к ея менѣе видным дѣятелям, в отношеніи которых мы уже не столь связаны заслуженным уважением. Вмѣстѣ с тѣм естественно, что в этом кругу мы встрѣчаемся с болѣе комическим разнообразием уловок, на которое уже не налагает отпечатка трагизма бывшая слава падшаго титана.

Здѣсь мы встрѣчаемся с новым своеобразным примѣненiem печатнаго доноса — уже не для собственнаго продвиженія по лѣстницѣ чинов и почестей, а в качествѣ научнаго аргумента и приема полемики. Идеальная схема научнаго диспута, заключающаяся в том, что защитники двух различных мнѣній обращаются только друг к другу, стараясь каждый склонить противника на сторону своей точки зрѣнія, а публика и посторонніе свидѣтели присутствуют только в качествѣ секундантов, сдѣля за соблюдением правил чести в этом поединкѣ — рѣдко выполняется на практикѣ. Мы не станем здѣсь затрагивать вопрос о том, насколько ея осуществленіе было бы желательно. Обычно дѣло происходит иначе: спорящіе обращаются к аудиторіи, будь то случайная публика или завѣдомо компетентный трибунал; отстаивают перед нею свои доказательства, стараются умалить в ея глазах значеніе доводов противника. Но совѣтскіе научные диспуты происходят опять таки по совершенно ино-

му способу. В качестве жюри, предпочтение котораго, склонившееся на ту или другую сторону, решает спор, здесь выступают исключительно предержащія власти, вооруженные мечем правосудія. Пріемы доказательства также изменяются в зависимости от такого способа выбора судей. Объ спорящія стороны стараются обнаружить перед ними не логическую несообразность доводов противника, не расхождение их с признанными фактами или непроверенность основ и пр., а исключительно его политическую неблагонадежность и угрозу, которую его образ мыслей представляет в смыслѣ потрясенія основ. Конечныя цѣли, с которым каждый из оппонентов вступает в такого рода теоретическая пренія, также приобрѣтают болѣе материальную окраску в полном согласіи с насаждаемым в совѣтской Россіи духом діалектическаго материализма. Лавровый вѣнок и фимиам славы с успѣхом замѣняются теплым мѣстечком, лишними ста рублями в мѣсяц и лишними ста граммами в день. Справедливость требует прибавить здѣсь, как и по многим другим поводам, что и эта разновидность учнаго диспута в принципѣ не вполнѣ оригинальна. Средневѣковье уже знало сходные пріемы, хотя и в иных формах, под иными предлогами. На каждом шагу нам приходится встрѣчаться в совѣтском быту с признаками возврата к средневѣковью.

Так именно происходил в Петербургѣ и Москвѣ многолѣтній диспут в одной из научных дисциплин... но в том то и вопрос, как ее назвать. Ея прежнее название — психологія — было заподозрѣно в „идеологической невыдержанности“, и в несовмѣстности с материа-

листическим міросозерцаніем, как допускающее отвлеченное духовное начало. Этими доводами пользовалась в свою защиту школа сторонников так называемой рефлексології, основанная еще до революціи Бехтеревым и послѣ его смерти возглавлявшаяся Протопоповым. Ея учение в значительной степени поконится на безсмертных выводах Павлова, хотя сам их автор к этой школѣ отнюдь не принадлежал и открыто отмежевывался от своих слишком крайних послѣдователей. Предшественниками ея считают американца Торндайка и русского Съченова. Названіе „наука о поведенії“, которым рефлексологи предлагали замѣнить устарѣлый термин „психологія“, представляет перевод англійского слова behaviourism, введенного Уотсоном. Напротив, т. н. реакторологическая школа, возглавлявшаяся Корниловым, считала возможным продолжать пользоваться старым термином „психологія“. Ея адепты обвиняли своих противников, полностью отрицавших духовный мір, в механическом материализмѣ, нарушавшем діалектику и тѣм самым в „лѣвом уклонѣ в наукѣ“. Вся эта своеобразная полемика была пересыпана цитатами из таких авторитетов в психо-фізіологии, как Маркс, Энгельс, Ленин. Впрочем, впослѣдствіи нам придется встрѣтиться с еще болѣе курьезными фактами. Подобного же рода расправа долгое время тянулась и в соседней области педагогики. Здѣсь также существовали двѣ школы, возглавлявшіяся Блонским и Пинкевичем. Каждая из них имѣла свой журнал: один назывался „Вопросы научной педагогики“, а другой „Основы совѣтской педагогики“. Уже по самым заглавіям можно

составить нѣкоторое представлениe о том, в чём состоял основной стережень их разногласій. Но и обще - политическія газеты, коммунистическіе, и философскіе журналы заполнялись статьями приверженцевъ обѣихъ партій, которые старались перешеголять одна другую въ работѣпствѣ перед высшими и благонадежности. Въ один прекрасный день внезапно наступило гробовое молчаніе: ни та, ни другая сторона не рѣшалась продолжать свою кампанію. Пораженный столь парадоксальнымъ исходомъ долгой борьбы, как и рѣзкою перемѣнною въ поведеніи обоихъ противниковъ, словоохотливость которыхъ еще недавно казалось неутомимой, одинъ неспеціалист обратился къ освѣдомленному профессору съ вопросомъ: кого же собственно слѣдуетъ считать побѣдителемъ послѣ всего? Профессоръ предпочелъ дать отвѣтъ въ аллегорической формѣ:

— Кошка дралась съ собакой. Пришелъ хозяинъ, побилъ и прогналъ обѣихъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого тотъ же неспеціалистъ испыталъ нравственное удовлетвореніе при видѣ того, какъ объемистый учебникъ Пинкевича „Совѣтская педагогика“ продается на вольномъ рынке у букиниста за 5 коп. — тѣхъ самыхъ совѣтскихъ денегъ, на которые коробка спичекъ стоила 1 рубль. Такъ рано или поздно всякая книга находитъ себѣ оцѣнку по достоинству.

Упомянемъ еще о петербургскомъ астрономѣ Глазенапѣ, который въ 1921 году напечаталъ таблицы логарифмовъ съ незначительными дополненіями и съ предисловіемъ, въ которомъ онъ утверждалъ, что потребность въ такихъ изданіяхъ возникаетъ только въ эпоху „соціалистического строительства“.

ГЛАВА V.

Воскресшая схоластика.

Принудительная філософія діалектического матеріализма не являється единственным видом ограничів свободы науки. Но всіх и не перечислить Упомянем только вкратцѣ, напримѣр, о странном требованіи непремѣнной «увязки теоріи с практикой». Всякое научное учреждение, какой бы то ни было специальности, может существовать и получать субсидіи от государства (а не государственных учрежденій, надо это запомнить, в совѣтской Россіи вовсе нѣт и быть не может) только в том случаѣ, если в каждый отчетный период, как бы ни был мал, оно представляет какое-нибудь изобрѣтеніе, которое непосредственно возможно использовать в промышленности и получать от него доход. Эти условія ставят нѣкоторыя научныя учрежденія в затруднительное положеніе. Например, директору Харьковскаго Математическаго Института, отчитывавшемуся в дѣятельности кафедр теоріи функцій и дифференціаль-

ных уравненій, задают вопрос о том, какую пользу приносит институт для соціалистического строительства. Благодаря этому же, далъе, Химико-Физическая Лабораторія Петербургского Физико-Техническаго Института, ставящая себѣ основною цѣлью разработку проблем электронной теоріи, вынуждена сверх того заниматься производством синтетического каучука, нужного для военных цѣлей краснаго имперіализма. Из опасенія подвергнуться личным преслѣдованіям, фантастическому обвиненію во «вредительствѣ» и, что для них было бы еще ужаснѣе, лишиться возможности посвящать себѣ хотя бы урывками наукѣ—эти люди, и без того нечеловѣчески перегруженные своею экспериментальною изслѣдовательскою работою, вынуждены лишаться послѣдняго сна и отдыха, в обход всякаго «кодекса законов о труде».

Но не с одним только „соціалистическим строительством“ заставляют „увязывать“ злополучную науку. Ее приходится подчинять и антирелигіозной пропагандѣ и милитаризаціи и всѣм нескончаемым политическим «кампаніям»: посѣв, призыв, сбор налогов, колективизация, принудительные займы «индустриализаціи», и проч. Если рѣчь идет о термодинамикѣ, приходится, излагая теорію тепловой смерти Клаузіуса, примѣнять ее к опроверженію церковнаго ученія о Страшном Судѣ. В курсѣ механики приходится вводить самыя широкія свѣдѣнія по баллистикѣ и артиллеріи. Учебник физики для начальных школ начинается подробным изложением прославленнаго „пятилѣтняго плана“ (книга была издана еще до его общепризнанного провала) и широковѣщательными возваніями к дѣтям, как к строителям будущаго соці-

ализма. От всякого профессора, предъявляющего проект программы порученного ему курса, требуют отвѣта на вопросы о «методологических элементах» (т. е. діалектическом материализмѣ), «увязкѣ теоріи с практикой» и десяткѣ других столь же головоломных пунктов. За неуклонным соблюдением всей этой «идеологии» жадно слѣдит уже описанный штат научных лакеев и шпіонов. Навряд-ли исторія когда бы то ни было была свидѣтельницей такого цинического подчиненія науки текущим интересам политики.

Еще больше поражает нас беззастѣнчивое раболѣпство научных лизоблюдов, всегда готовых признать любого совѣтского вельможу rag excellence ученым и глубоким знатоком всѣх вопросов. О чём бы ни была написана книга, в ней необходимо приводить отзывы Ленина, как верховный критерій истины. И хотя это и может показаться странным, такого рода обязательная консультаций со взглядами Ленина оказывается менѣе стѣснительной именно в трудах по тѣм наукам, с которыми собственные сочиненія Ленина не имѣют ничего общаго, как-то: естественным, точным. В нѣскольких десятках томов сочиненій Ленина всегда можно найти на любую тему незначительные замѣчанія, которые придают статьѣ благонадежную внѣшность и ни к чему существенному не обязывают. В физикѣ можно, напримѣр, упомянуть о том, что Ленин считал матеріей все, что реально существует. В любом инженерном руководствѣ — что Ленин рекомендовал большевикам овладѣть техникой. В скобках фамилія, № тома и страницы: больше ничего для «идеологической выдержанности» и не требуется.

Хуже обстоит дело с теми науками, которыми Ленин действительно занимался: с общественным циклом. Поэтому то, к слову сказать, онъ и переживают теперь в Россіи еще более глубокій упадок, чѣм другія. Здѣсь уже нельзя так легко отдохнуться, как описано, и приходится не на шутку согласовывать свое изложение со взглядами Ленина. Авторы стараются здѣсь доказать свою вѣрность ленинским завѣтам тѣм, что цитируют их как можно чаще и как можно длиннѣе и каждую выдержку сопровождают высокопарными примѣчаніями, не скучаясь на эпитеты: „как глубоко вѣрно замѣтил товарищ Ленин“, „тысячу раз был прав Ильич, когда сказал...“ и пр. Всегда представляет интересный опыт: взять одну из руководящих философских статей „Правды“ или любую страницу из твореній Сталина и подчеркнуть в ней красным карандашем имя Ленина вездѣ, гдѣ оно встрѣчается. Бумага пріобрѣтает вид ковра с цвѣточками.

Зато в промежуточных толкованіях изрѣчений Ленина авторам предоставляетъся полный простор для софизмов, вдобавок подкрепленных всесильной діалектикой, с цѣлью пріурочить их смысл к насущным потребностям „партийной линії“. Неотъемлемыя черты всякой ходястики на лицо: показное подобострастіе перед авторитетом при полном произволѣ в его толкованіи. Первый подает примѣр в таком надувательском обращеніи с собственным кумиром Сталин, которого официальная коммунистическая печать называет „единственным стойким большевиком-ленинцем“. Вот один относящийся сюда случай. Ленин, как известно, ввел так называемую „новую экономическую поли-

тику" и при этом выражался, что делает это «всерьез и надолго». Как только Ленин умер, Сталин, пришедший ко власти, немедленно повернул руль политики так, что от реформ Ленина не осталось и слева. Тем не менее Сталин из кожи воин ляз, чтобы доказать, что он — и только он один — во всем винен ленинским заветам и не отступил от них ни на шаг. Как же согласовать с заявлениями о таком безусловном послушании факт столь поспешной перемены образа действий, который скрыть ни от кого уже было невозможно? И в своем единственном труде «Основы ленинизма» (мы еще вернемся к его более полному разбору) Сталин объясняет, что, ведь, Ленин сказал «надолго», но не «снавсегда». Долгота и краткость сроков в жизни государств суть, конечно, понятия относительные. Но характерно то, что у Сталина, как у подлинного схоласта, недостает мужества открыто заявить:

— Ленин предлагал ввести новую экономическую политику надолго, а я, наперекор ему, предлагаю ее сократить! ибо это была бы „ревизия“, слово, котораго боятся все коммунисты, и он предпочитает отделяться неловкою передержкою. Каждя перед своим идолом, в облаках чада он скрывает от него свои дела.

Родственные примёры схоластики, льстивой на словах и уклончивой на деле, мы можем найти в творениях других официальных советских мудрецов: Но, не обладая, подобно Сталину, диктаторскими полномочиями, его сподвижники нередко попадали впросак. Особенно интересные примёры мы заимствуем из биографии академиков Деборина и Рязанова. Обо-

их их в свое время Сталин ввел в Академію Наук таким же способом, каким когда-то Калигула ввел в сенат своего коня. Исторія умалчиває о дальнійшій судьбѣ четвероногого сенатора. Мы не знаєм, был ли он впослѣдствії за какую-либо провинность снова выгнан из сената и продан на живодерню. Но приблизительно так поступил Сталин со своими протежэ.

Деборин произнес рѣчь в Академіи Наук в Петербургѣ о роли Ленина в физикѣ. Не будучи физиком, Деборин тѣм не менѣе открыл весьма крупный факт, дотолѣ физикам совершенно неизвѣстный: наличіе глубокаго кризиса в современной физикѣ. По вопросу о так называемом кризисѣ современной физики в соvѣтской Россіи установились своеобразныя отношенія, о которых не лишнее было бы дать здѣсь нѣкоторое понятіе. На университетских собраних, научных диспутах и пр. нерѣдко заходит рѣчь об этом кризисѣ. Но упоминают о нем всегда не-физики, діалектики, политики, студенты-коммунисты и члены союза коммунистической молодежи и пр. О кризисѣ в физикѣ они говорят как о фактѣ давно извѣстном и бесспорном, который сам в доказательствѣ не нуждается, но может служить прочным основанием для выводов. Если послѣ этого берут слово специалисты-профессора физики, то они всегда начинают с недоумѣвающих вопросов: какой кризис? Всѣм извѣстно, что за двѣ тысячи лѣт своего существованія физика никогда не испытывала болѣе блестящаго расцвѣта, чѣм теперь в XX вѣкѣ. С точки зрѣнія логики трудно представить себѣ возможность совмѣщенія расцвѣта с кризисом. Но діалектика тѣм то и удобна, что допускает всякія противорѣчія.

Коммунисты объясняют физикам, что кризис современной физики заключается в ее расхождении с диалектическим материализмом. Согласно их утверждению, великие деятели современной физики, хотя и обогатили науку громадным запасом ценных фактов, но в своих выводах отступили от единственно истинных спасительных теорий диалектического материализма, а потому неизбежно должны попасть в будущем, если еще не попали, в тупик. Не будем углубляться здесь в разбор фактов, легших в основу этого утверждения по существу. Но можно и заранее предполагать, что оно основано не на содержании физических теорий, а на общих высказываниях их авторов. И действительно, как мы уже видели, самые выдающиеся основатели современной теории относительности — Лоренц, Мах, Пуэнкаре, Эйнштейн — откровенно заявляли себя противниками диалектического материализма. Если коммунисты правы, делая отсюда заключение, что и самые факты современной физики оказались несовместимыми с философией диалектического материализма — то очевидно, что в этом столкновении физики с диалектическим материализмом одно из двух должно пострадать, именно то, что менее прочно. Для всякого лица, хотя бы поверхностно знакомого с истинным положением вещей, очевидно, что обосновывая таким рискованным образом свой тезис о кризисе физики, коммунисты сами себя осуждают и тщетно пытаются замаскировать нескрываемый факт современного глубочайшего кризиса диалектического материализма. Конечно, в советской России никто не решается высказывать вслух эти очевидные соображения и все в Академии смело молчали, когда Деборин

из создавшагося безвыходного положенія рекомендовал физикам один исход: заняться изучением мыслей и афоризмов Ленина по физикѣ.

Этот новый варіант на мотив басни „Осел и соловей“ был отпечатан в академической типографіи на лучшей бумагѣ, которая не часто встречается в совѣтской Россіи послѣ начала „пятилѣтки“.

Послѣ этого прошел только год и Деборин был уличен уже известным нам способом в „левом уклонѣ в наукѣ“. Не будем сейчас подробно вдаваться в содержаніе предъявленнаго обвиненія. Сдѣлать это было бы тѣм болѣе трудно, что официальная обвиненія и комментирующая их газетныя статьи всегда нарочито составляются с цѣлью затемнить суть дѣла. Но на лиц, уличенныхъ в такого рода преступленіях, налагается двойная кара. Помимо обычных низложеній по службѣ, перемѣщеній и других взысканій со стороны, на обвиняемых налагается еще повинность самобичеванія в формѣ публичнаго, чаще всего печатнаго покаянія в своих ошибках. Провинившійся обязан перечислять их в выраженіях, строго предписанных ему, содержащих весьма рѣзкія нападки по его собственному адресу. Подобной эпитиміѣ подвергался и Рыков, продолжая в то-же время состоять в должности первого министра, и Зиновьев, предсѣдатель III-го интернационала. Та-же судьба досталась и Деборину послѣ его разжалованія. Добросовѣстно перечисля свои былыя заблужденія, Деборин указал, между прочим, в числѣ их недооценку Ленина, как ученаго, т.е. одностороннее освѣщеніе его, как чисто практическаго политика. Итак, истинная роль Ленина для физики была

еще больше той, которую освѣтил Деборин в своей академической рѣчи. Жаль, что и в своем покаянном молебствіи он не дополнил ея перечнем трудов Ленина, как физика, упущенных раньше.

Рязанов добился высоких постов и почестей изобрѣтеніем новой науки — „марковѣдѣнія“ и основаніем особаго института Маркса и Энгельса с громадным музеем, составленным из предметов, чѣм либо напоминавших о жизни и дѣятельности обоих учителей коммунизма. Для храненія его коллекцій в Москвѣ был построен специальный дом. Нѣт сомнѣнія, что на создание этого учрежденія была потрачена уйма времени и энергіи, достойных лучшей участіи. С точки зрењія поклонников Маркса колоссальный труд Рязанова представляет собою его из ряда вон выходящую заслугу. Написанные Рязановым учебники по изобрѣтенной им наукѣ „марковѣдѣнію“ распространялись повсемѣстно и рекомендовались, как образцовое руководство. В вышедшей к этому времени „Малой совѣтской энциклопедії“ Рязанов был опредѣлен, как один из лучших знатоков Маркса и марксизма. Финал этой блестящей карьеры был неожидан. Всезрящее око Г.П.У. уличило Рязанова в какой то связи с „контр-революціонной“ организацией меньшевиков. Вполнѣ естественными и неизбѣжными представляются такія мѣры, как арест и лишеніе должности. Но характерно для беспристрастія совѣтской науки, как сразу измѣнилось послѣ этого отношеніе к столь высоко цѣнному до тѣх пор „марковѣдѣнію“. Всѣ книги Рязанова были изъяты из продажи и чтенія, как будто самое содержаніе их измѣнилось к худшему послѣ

того, как был обнаружен незаконный образ дѣйствій их автора. Директором института Маркса послѣ Рязанова был назначен нѣкто Адоратскій. Он стал помѣщать в московских газетах статьи, в которых доказывал, что его предшественник не понимал Маркса, а, главное, проявлял к нему неуваженіе. Так состарѣвшійся лев узнает копыто осла, который трепетал перед ним всю жизнь. Но особенно интересны тѣ ошибки в толкованіи Маркса и тѣ оскорблѣнія по его адресу, которых Адоратскій не замѣчал в трудах Рязанова, пока тот был в мідости, и тотчас-же обнаружил послѣ его опалы. Напримѣр, Маркс предсказывал в 1855 году во время Крымской войны, что в Россіи через год произойдет соціальная революція. Излагая этот факт, Рязанов имѣл дерзость выразиться по поводу его, что Маркс ошибся в своем пророчествѣ. Адоратскій называет этот поступок Рязанова „отвратительнѣйшим видом научнаго безпристрастія“. Самое слово безпристрастіе в устах совѣтских схоластиков стало ругательным и открыто признается отвратительным. Чтобы угодить вкусу Адоратскаго и в то-же время избѣжать гнуснаго грѣха научнаго безпристрастія, Рязанов, повидимому, должен был доказывать, что в Россіи дѣйствительно произошла в 1856 году революція. В назиданіе Рязанову Адоратскій цитирует замѣчаніе Ленина по тому-же самому поводу, из которого видно, что Ленин... тоже соглашался с тѣм, что Маркс ошибся, но находил, что такія ошибки гораздо почтеннѣе многих правильных сужденій.

Тьмы низких истин нам дороже

Нас возвышающій обман. (Пушкин).

А как Рязанов? Может быть, и он считал

эту ошибку почтеною? Но об этом его оппонент умалчивает.

Интересный примѣр научной карьеры представляет сам Адоратскій. Дѣйствительно громадным, хотя и потерянным всуе, трудам своего предшественника Адоратскій противоставляет только один — „Хрестоматію по Ленину“ (если не считать печатных доносов на Рязанова и других). Это просто сборник отдельных отрывков из Ленина, систематизированных по формальному признаку, почти без всяких комментаріев по существу, кромѣ хвалебных восклицаній. Таким осторожным творчеством Адоратскій надѣялся застраховать себя от обвиненій в ереси. Но, как мы это еще увидим на примѣрѣ Ярославского и его „шеститомника“, и эта гарантія не всегда бывает достаточна, (см. ниже глава седьмая „Совѣтская наука“).

Еще один интересный примѣр представляется профессор Яворскій из Кіева, автор ряда трудов по исторіи Украины, которые в свое время рекомендовались и были обязательны для всѣх школ, как учебники. Но Яворскій был уличен в принадлежности к украинской націоналистической организаціи, мечтавшей об основаніи независимой Украинской республики. Дѣлу Яворского был дан обычный судебный ход. Но вдобавок, как это всегда бывает в подобных случаях в совѣтской Россіи и как это мы уже видѣли на примѣрѣ Рязанова, осужденіе было механически перенесено и на труды автора, заподозрить „идеологическую“ благонадежность которых раньше никому не приходило в голову. Но особенно интересна мотивировка обвиненія, предъявленного к ранѣе изданным

произведеніям Яворскаго. Оказалось, что Яворскій, прикрываясь званіем историка-марксиста (зіс) душил всѣ попытки критики его книг и квалифицировал их как возмутительныя проявленія „ревизії“ самаго марксизма. Помимо того любопытнаго факта, что положеніе историка-марксиста стало „званіем“, каким то офиціально утверждаемым титулом, перед которым всѣ должны склоняться, отсюда же можно заключить, на чем пытался основать Яворскій свой научный авторитет: на запугиваніи, на угрозѣ доноса в политической неблагонадежности на соперников, которые не признавали его добровольно. Но разоблачаю Яворскаго, послѣ его низложенія и преданія суду в таком образѣ дѣйствія, его оппоненты, сами пока еще не числящіеся в „уклонѣ“, разоблачают сами себя. Случись им попасться в каком либо политическом дѣлѣ, хотя бы совершено постороннем их прежним тебріем, как это было с Рязановым и Яворским, как тотчас же всплывают на свѣт тѣ неблаговидные пріемы, которыми они раньше устраивали свою карьеру.

Один из самых курьезных примѣров научнаго раболѣпства невпопад представляет исторія статистика Боброва. Под его редакціей был переведен с англійскаго сборник, составленный Ритцем „Handbook of Mathematical Statistics“ под заглавием: „Ритц и Бобров. Математическій метод в статистикѣ. Переработка для совѣтскаго читателя“. Эта переработка выразилась в прибавленіи очень оригинального предисловія, в котором Бобров подробно разбирает взгляды на математическую статистику не только Ленина, но даже Сталина

и Троцкаго. Но бывает „охота смертная, да участь горькая“. Бѣдный математик не предвидѣл, что через год послѣ этого Троцкій потерял весь свой авторитет, не только для политики, но и для статистики. Книга был изъята из продажи и употребленія за то только, что в ней упоминалось имя Троцкаго, несмотря на то, что в ней содержались дѣйствительно полезныя главы, принадлежащія перу Ритца и его сотрудников. А злополучный Бобров, переработавшій эту буржуазную книгу для совѣтскаго читателя, вмѣсто ожидаемых подачек сам попал в немилость.

Так спускается лѣстница научных авторитетов коммунизма: от Маркса, который дѣйствительно был кабинетным ученым и посвятил долгіе годы упорному труду; через Ленина, который только в молодости в изгнаніи мог посвящать время теоретическим занятіям, а в концѣ жизни цѣликом отдался работѣ текущаго администрированія, не говоря уже о бурных годах революціи; наконец к Сталину, образованіе котораго ограничивается тремя классами тифлисской семинаріи, затѣм всецѣло посвятившему себя экспропрації позѣздов. Тѣм не менѣе совѣтскіе профессора не стѣснялись провозглашать и его высшим знатоком по всѣм наукам.

Единственное печатное произведеніе Сталина — книга „Основы ленинизма“ — этот коран новаго ислама — представляет собою не единый систематически изложенный труд, а просто сборник рѣчей и статей, сказанных и написанных диктатором по поводу различных партійных съездов и экстренных политических событий. Чтобы придать болѣе академическую

внѣшность этому философскому труду, рѣчи Сталина были в нем перепечатаны прямо с протоколов засѣданій со всѣми ремарками, вродѣ: „смѣх, апплодисменты, восклицанія“ и пр. Не упущены всѣ собственные прибаути глубоко-мысленного Генерального Секретаря, как напримѣр, в знаменитой статьѣ „Головокруженіе от успѣхов“ по поводу чрезмѣрного усердія исполнительных властей:

— Подумаешь, какая р-р-революціонность!

Вот какова та книга, к которой должны прибѣгать философи, химики, зоологи и пр. спеціалисты, как к кладезю мудрости, единственному источнику откровеній истины.

Такова она по формѣ, по крайней мѣрѣ. В смыслѣ же содержанія... как ни смѣшно было бы заняться ея разбором всерьез, но ответственность задачи налагает на нас обязанность вооружиться терпѣniем до конца. Глава „Георія“ в ней представляет один из самых ярких образчиков діалектической схоластики и кроме того по своей крайней нетребовательности к строгости научных разсужденій вполнѣ характерна для культурного уровня этого универсального генія.

Сталин касается в ней предсказанія Маркса о том, что коммунистическая революція должна раньше всего произойти в той странѣ, где наивысшаго развитія достигнет промышленный и финансовый капитализм. Исторія явно обнаружила несостоятельность этой теоріи, так как коммунистическая революція произошла в такой полуфеодальной земледѣльческой странѣ, как Россія, а государства с наивысшим расцвѣтом промышленности и капитализма, как С.-А.С.Ш. и Англія, именно тѣм то и от-

личаются, что в них коммунизм не пользуется никаким успехом и насчитывает наименьшее число приверженцев. Как всегда, Сталин не имѣет мужества прямо упрекнуть Маркса в его ошибкѣ, а вместо этого обрушивается цѣлым рядом обвиненій на современных марксистов другого толка — европейских соціал-демократов — за то, что они и понынѣ придерживаются точного смысла теоріи Маркса и на этом основаніи признают октятьбрьскій переворот 1917 года в Россіи не за подлинную пролетарскую революцію, а за возврат к восточному деспотизму. Против них Сталин выдвигает доводы Ленина, который послѣ узурпациіи власти большевиками был поставлен перед необходимостью насильно передѣлать марксистскую теорію так, чтобы замаскировать ея слишком грубое расхожденіе с дѣйствительностью. При этом требовалось ни в чем не допускать расхожденій со словами Маркса, но взамѣн предоставлялся полный простор для произвольного толкованія его мыслей. Чтобы выйти из этого затруднительного положенія, Ленин объявил, что по духу идей Маркса капитализм должен был потерпѣть крушеніе раньше всего не там, где он достиг бы крайняго развитія, как это слѣдовало по буквѣ писанія Маркса, а там, где „цѣль его оказалась бы всего слабѣе“. Нас слишком далеко завел бы анализ того, какой смысл имѣет эта фраза и возможно ли с помощью самых рискованных натяжек примирить ее хоть сколько нибудь с пониманіем самого Маркса. Во всяком случаѣ, как увѣрял Ленин, теперь становилось понятным, почему коммунистическая революція произошла именно в Россіи и даже было бы удивительно, если бы дѣло было ина-

че. С давних времен известен этот тип ничем невозмутимого ясновидца, крѣпкаго задним умом, который безошибочно умеет предсказывать прошедшія события.

С точки зрењія Сталина все обстояло благополучно: и овцы теоріи оставались цѣлы и волки дѣйствительности сыты. Но отлично понимая, что плохи дѣла политической теоріи, которая ограничивается только принятіем и одобреніем событий post factum, Stalin увидѣл, что настал и его черед перейти к пророчествам. И чтобы не попасть вторично в такой-же просак, он заранѣе оставляет себѣ пути отступленія открытыми. На вопрос о том, каков будет дальнѣйшій путь развитія міровой революції, в неизбѣжность которой вѣрят коммунисты, Stalin уже теперь отвѣчает так: не исключена возможность того, что коммунистическая революція теперь произойдет раньше всего в Германіи; но точно так-же это может случиться и в Индіи, как, впрочем, и в любой другой странѣ міра. Таким образом, какой-бы оборот ни принялъ событий, ничто нас не удивит и не поколеблет нашей теоріи. С точки зрењія непредубѣжденнаго читателя эти извороты служат достаточно ясным признаніем краснаго пророка в том, что теорія его давно на голову разбита жизнью и что он сам никакого понятія не имѣет о том, что предстоит в будущем.

По приведенному примѣру можно составить себѣ достаточное представление о научной цѣнности этого труда, въ него не plus ultra діалектическаго материализма. Но Stalin здравствует и пребывает на своем посту диктатора. Поэтому научные карьеристы всѣх специальностей не

опасаются провозглашать его безошибочным оракулом и всеобъемлющим мудрецом. Болѣе рискованным оказывается непомѣрное прославленіе не столь титулованных совѣтских бояр. Примѣром этому может служить случай с уже упомянутым профессором психологом Корниловым. В одной из своих книг он причислял к сонму „основоположников діалектического материализма“ Степанова-Скворцова, который до этого в теченіи многих лѣт состоял редактором „Ізвѣстій“. К этому времени Степанов-Скворцов был уже мертв и Корнилов не опасался поэому, что его исключат из коммунистической партии, как это было с Троцким. Но и на Стиковых брегах настигла Степанова-Скворцова карающая рука Центральной Контрольной Комиссіи. В произведеніях покойного писателя были обнаружены „политические ошибки“ и „уклон“ и поэому онѣ были изъяты из обращенія. За невозможность же подвергнуть бесплотную тѣнь личным преслѣдованіям, жертвою их стал живой Корнилов. Это обстоятельство сыграло извѣстную роль в исторіи безславнаго конца его полемики с рефлексологами, о которой уже упомянуто выше.

ГЛАВА VI.

Разгром научных учреждений.

Всѣ до сих пор изложенные факты касались стисненія свободы научной мысли по существу, т. е. насильственного вмѣшательства правительственных властей в самое ея содержаніе. Но и та внѣшняя обстановка, в которую ставится жизнь и дѣятельность людей науки, также не может считаться особенно благопріятной для их работы, вопреки рѣшительным утвержденіям офиціальных отчетов. Изслѣдователи не могут всецѣло отдаваться трудам по своей спеціальности: их постоянно отрывают насильно под всевозможными предлогами. Из них самым обычным является так наз. „общественная работа“. Эта повинность признается обязательной для ученых точно так-же, как и для остальных представителей сословія „трудящихся“ в совѣтской Россіи. Она заключается в добровольном на словах, но принудительном по существу исполненіи разных заданій на пользу го-

сударства во внѣурочные часы и всегда бесплатно. Под этим невинным названіем скрывается наиболѣе распространенный вид принудительного труда и самой крайней эксплуатации. Научные работники могут „нагружаться“ двумя видами „общественной работы“: болѣе невинным — хозяйственным и худшим — „идеологическим“.

Хозяйственная работа состоит в добыванії для себя предметов первой необходимости. Послѣ убийства частной торговли и окончательно обнаружившейся неспособности государственной торговли и фиктивной „кооптации“ обслужить интересы потребителя, эта обязанность возложена в совѣтской Россіи на само населеніе. Кто желает топить свою печь дровами, должен хлопотать о разрѣшениі нарубить их в лѣсу; рыбу предлагается ловить прямо в рѣкѣ, картофель выкапывать из земли, но и то только при наличіи карточек на паек и цѣлой кучи удостовѣреній. Ученые представляют особо привилегированное сословіе в отношеніи снабженія, а потому им особенно часто дѣлают подобное снисхожденіе. Напримѣр, в Благовѣщенском педагогическом институтѣ пронесся слух между преподавателями о том, что в трех верстах от города стоят на желѣзнодорожных путях полныя цистерны. Электрическая станція перед этим долго бездѣйствовала во славу ленинской электрификаціи и керосин представлялся ученым наиболѣе современным средством, позволяющим заниматься в долгіе зимніе вечера. В эту минуту из всѣх преподавателей института был свободен только почтенный профессор И. Он поспѣшно вытребовал телѣгу, бочку и черпак, сам поѣхал за город и нацѣдил

/

там керосину прямо из цистерны. Когда телъга с профессором и бочкой вступила во двор института, тотчас-же во всѣх классах прекратились занятія. Преподаватели поспѣшили во двор, вооруженные кто чѣм попало: бутылкой, банкой, ведром и проч. Они обступили бочку, образовав классическую совѣтскую „очередь“, и профессор И. собственноручно разливая им керосин, строго сообразуясь с нормами „снабженія“.

Как извѣстно, в Совѣтской Россіи отмѣнены недѣли и воскресный отдых. Вместо этого повсемѣстно введены „пятидневка“ или „шестидневка“. Принцип этого преобразованія заключается в том, что четыре дня (или пять) „трудящійся“ работает согласно условіям службы и за плату; а на пятый (или шестой) день работает без всякаго ограниченія времени, большей частью не по спеціальности и непремѣнно бесплатно. В такие дни, с основаніем называемые „днями отдыха“, приходится и ученым выполнять самыя разнообразныя физическія упражненія. Они окапывают канавами свое учрежденіе, кладут кирпичи, выгружают поѣзда и проч. Но в случаях так называемых „прорывов“ на сопѣдних заводах или государственных помѣстьях, что случается почти каждый день, для научных работников устраиваются и болѣе продолжительныя экспедиціи. На нѣсколько дней, а нерѣдко и недѣль, их увозят вмѣстѣ со студентами, либо выкапывать нескошенные хлѣба из-под снѣга, либо рубить лѣс, ночуя в морозы в шалашѣ в сибирской тайгѣ, а весной сплавлять его по рѣкам и проч. Обо всѣх этих видах принудительного труда, созданного в совѣтской Россіи для всѣх граждан,

много писалось в зарубежной печати, но можно было бы написать гораздо больше. И из общей части не составляют исключений и учёные. Так проводят они свои досуги и драгоценные часы, предназначенные для подготовки к лекциям и самостоятельных занятий, в стране, правительство которой хвалится, что обеспечило для их трудов наилучшие условия.

И всетаки, как указано в начале настоящей главы, такие хозяйственныя работы представляют лучшую, наименее унизительную разновидность „общественной нагрузки“. Несравненно тягостнее возлагаемая на некоторых повинность доносов, на советском эвфемическом языке называемая „блюдением идейной чистоты“. Ее возлагают обычно именно на тех лиц, которых самих подозревают в недостаточной „идеологической“ благонадежности. Силою угроз им вмениают в обязанность следить за „идеологией“ других, т. е. систематически рецензировать научные произведения и устные выступления известных лиц или кругов и обо всяких политически подозрительных настроениях немедленно доносить — в зависимости от обстоятельств, гласно или тайно. Несчастные, первоначально против воли втягиваемые в это предательское окружение, в некоторый определенный момент с ужасом замечают, как их судьба оказывается связана с ним. Они окружаются общим недоверием и скрытой враждебностью и с этого времени теряют возможность действовать иначе. Так вербует себя советская власть идеино преданных людей, как в науке, так и в других сферах человеческой деятельности. Специальная орудия такого внушения действием — „стеночные газеты“, политическая

собранія, всякаго рода принудительные „кружки“ — по существу одинаковы здѣсь и тамъ. О нихъ рѣчь въ отдельномъ очеркѣ автора: „Реклама идей“.

Не для всѣхъ, однако, бываетъ мучительна эта атмосфера всеобщаго недовѣрія и доносительства, въ которой задыхается всякая вольная мысль. Есть такіе, которые плаваютъ въ ней, какъ рыба въ водѣ. Какъ уже было указано, печатный донос признается теперь самой цѣнной формой научнаго труда и находятся многіе, готовые пользоваться этимъ средствомъ для составленія своей научной карьеры. Разумѣется, большинство изъ нихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые не имѣли надежды инымъ способомъ достигнуть видныхъ ступеней въ научномъ мірѣ. Блестящимъ подтвержденіемъ такого взгляда можетъ служить исторія математика Орлова изъ Киева. Онъ подалъ заявленіе въ Украинскій Институтъ Математическихъ Наукъ въ Харьковѣ, съ просьбой принять его въ дѣйствительные члены Института. Къ заявлению, согласно общему уставу, были приложены собственные труды Орлова, по которымъ правленіе института должно составить себѣ представленіе о его научномъ достоинствѣ. Компетентная комиссія разсмотрѣла эти труды и нашла ихъ значеніе недостаточнымъ для предоставленія ихъ автору званія дѣйствительнаго члена института. Взамѣнъ она предложила Орлову баллотироваться въ члены-корреспонденты института, званіе, которое предъявляло пониженыя требованія къ самостоятельному творчеству. Обиженный Орловъ однако взялъ свое заявленіе обратно. Онъ задумалъ другой путь. Не обладая достаточными знаніями и дарованіями для званія дѣйствительнаго

члена института, он все же находил в себѣ доста-
точно способностей, чтобы стать его директо-
ром. Такова логика совѣтской науки, или, если
угодно, ея діалектика.

Орлов ожидал только удобного случая, чтобы привести в исполненіе столь смѣлый план. Таковой представился ему в видѣ пуб-
личного „диспута“ о примѣненіи діалектики в
точных науках. Помимо обычных характерных
своеобразных черт совѣтских „диспутов“, ко-
торые нам уже приходилось описывать, этот
отличался еще и тѣм, что о самой сути дѣла
на нем почти и рѣчи не было. Ораторы — про-
фессора-коммунисты избѣгали касаться конкрет-
ных научных проблем и примѣненія к ним діалектического способа мышленія, чувствуя,
очевидно, что в этом они оказались бы слабы;
а ограничивались доносами на своих ученых
соперников, уличая их в явном или скрытом
неуваженіи к діалектику. Докладчиком по ка-
федрѣ математики был Орлов. Он опредѣлил
Украинскій Математическій Институт, как гнѣз-
до контр-революціонной идеологии и призывал
вниманіе властей к этому учрежденію. По
правдѣ, в устах Орлова было вполнѣ понятно
его безкорыстное негодованіе против этого кру-
га ученых, которые осмѣлились не признать
его собственных научных заслуг.

Рѣчь Орлова имѣла заслуженный успѣх.
Против Математического Института пошла
систематическая совѣтская травля, которая
закончилась через нѣсколько мѣсяцев низложе-
ніем его прежняго главы, во всем мірѣ поч-
таемаго ученаго, и к замѣнѣ его Орловым. Вот
какіе труды вознаграждаются в совѣтской Рос-
сіи званіем директора научнаго учрежденія.

Тот-же случай показывает и еще одну почетную роль, которую приходится играть в ней возвышенной философії діалектического матеріализма: роль орудія для цѣлей личной мести.

Аналогичные пріемы для составленія научной карьеры примѣняли совѣтскіе профессора Гредескул и Лемке в Петербургѣ в годы голода в 1920-21 г.г. В мѣстных газетах они печатали доносы на своих старших соратников, с которыми им приходилось встречаться в „Домѣ ученых“, помѣщавшемся в бывшем дворцѣ Великаго Князя Владимира Александровича. Они сообщали о том, как такой то старый профессор называет Милліонную улицу Милліонной, а не Халтурина и другими подобными оборотами рѣчи проявляют свои „чуждыя настроенія“. Это было тяжелое время „военного коммунизма“, когда старые академики, гордость русской науки и многіе с мировыми именами, в рваных пальто с мѣшками за спиной простаивали долгія ночи съверной зимы на зваленном сугробами дворѣ разоренного дворца в безконечных очередях в ожиданіи нищенского пайка: горсти селедок, тюленины, фасоли... А Гредескул и Лемке втирались в эти унылые толпы, подслушивали вырывающіяся из уст стариков невольные жалобы на свое положеніе, и на слѣдующее утро предавали их гласности с именами и грубыми насмѣшками. Вѣроятно, сами они меньше страдали от общаго голода.

Над страшным хаосом умственного развала Россіи до 1927 года высилась только одна непоколебимая тверднья мысли — Петербургская Академія Наук. Слишком двѣsti лѣт она хранила незапятнанным знамя русской культуры и

вознесла его на ту высоту, на которой оно стало видно всему миру. Зависть и злоба большевиков естественно обрушились на это последнее убежище, где наука оставалась свободной, и они решили овладеть и им. Для этой цели они прибегли к обычному приему, который неоднократно служил им для разложения всякого рода обществ и объединений, как в подвластной им России, так и при осуществлении подрывной коммунистической пропаганды за границей — решили подсунуть в Академию своих ставленников. И вот в 1927 году было объявлено о значительном расширении штатов Академии и об открываемой в связи с этим широкой кампанией по выбору в нее новых действительных членов. К этому были приложены лицемерные декларации о готовности советского правительства всячески содействовать благоденствию Академии, первым проявлением которой и должны были явиться назначаемые выборы. Послед этого всем научным учреждениям России было предложено выставлять от себя списки кандидатов. Но согласно исключенному уставу Академии решающее слово при отборе из кандидатур принадлежало только совету прежних действительных членов. В „Правде“ печатались предложенные списки с указанием научных трудов и доводов, приводимых рекомендующими учреждениями в пользу избрания в Академию отдельных кандидатов. Число этих последних значительно превышало количество наличных вакансий. Но своеобразие этой выборной кампании началось с особых „отрицательных кандидатур“. Многие научные учреждения, наряду со списком лиц, которых считали достойными звания академика, пе-

речисляли и такія кандидатуры, против возможного утверждения которых онъ заранѣе противостояли, и в газетных статьях подробно мотивировали свое несогласіе. По здравому смыслу трудно представить себѣ цѣль подобных возраженій. Низкая оцѣнка научных заслуг предлагаемаго кандидата могла найти себѣ вполнѣ достаточное выражение в видѣ чернаго шара при баллотировкѣ. Если же оппоненты, поступая так, считали своим долгом разоблачить компрометтирующіе поступки кандидата, то таковые никогда и нигдѣ не считались препятствием для присвоенія научной степени. Очевидно, умысел был здѣсь другой. Просматривая всѣ газетныя статьи, содержащія обоснованія таких „отрицательных кандидатур“, мы в любой замѣтим болѣе или менѣе откровенно выраженный донос под видом сухих академических возраженій. Их главным мотивом всегда является подозрѣніе в „идеологической“ неблагонадежности, а не просто интеллектуальной незначительности.

В числѣ кандидатов было и нѣсколько человѣк коммунистов, отношеніе к которым со стороны властей с самого начала выдѣляло их очень рѣзко из массы других. Это были: Бухарин, нѣкоторое время послѣ смерти Ленина оспаривавшій у Сталина диктаторскую власть; уже извѣстные нам по предыдущему Деборин и Рязанов; историки Покровскій и Фриче; Лукин и член „Совѣта народных комиссаров“ Кржижановскій. Так как на мѣстах обсужденіе предлагаемых к рекомендациіи кандидатур во всѣх научных учрежденіях производилось обычным совѣтским пріемом открытаго голосованія, то понятно, в списках было перечислено много высказавших-

ся в пользу коммунистов. Но решающее слово принадлежало не этим низовым ячейкам, а Академії. Повлиять здѣсь на волю избирателей мѣрами грубаго насилия было не так легко. Вполнѣ естественно, что трое кандидатов из числа ставленников начальства были здѣсь забаллотированы: Деборин, Рязанов и Фриче. Само по себѣ это событие на заключало в себѣ ничего необычайного, уже хотя бы потому, что ту же участь вмѣстѣ с коммунистами раздѣлило нѣсколько десятков других кандидатов в связи с уже указанной недостаточностью числа вакансій. Начальство не согласилось однако примириться с пораженіем своих фаворитов и рѣшило перейти к болѣе безцеремонным мѣрам. Тотчас же в печати появились наглые угрозы по адресу академиков, не пожелавших допустить в свою среду совѣтских начетчиков. Самую Академію изображали как контр-революционную корпорацію, которая вообще подлежит разгону, и проч. Явно несостоительные придирики к формальностям были сочтены властями достаточным поводом для того, чтобы кассировать баллотировку в отношеніи названных трех коммунистов и назначить ея второй тур. Чтобы не быть голословным, приведем и содержаніе этого натянутаго предлога. Всѣ три кандидатуры были одобрены на секціонном засѣданіи секціи гуманитарных наук Академіи, но забаллотированы на пленарном. Всякому очевидно, что постановленія секціонных засѣданій не могут имѣть решающее значение, так как иначе незачѣм было бы и устраивать баллотировку на пленарном. Поэтому официально выставленные кассационные мотивы явно не выдерживают критики.

Такое грубое нарушение всех общепринятых положений и прав научных учреждений, неслыханное в истории, вызвало негодование во всем мире. Даже те ученые свободных стран, которые сначала выражали сочувствие к советской власти, увлеченные иллюзиями о том покровительстве, которое она якобы оказывала науке, изменили к ней свое отношение, узнав об этом возмутительном насилии. Со всех сторон стали поступать протесты, изумленные запросы и т. д. Какого напряження достигло это общественное волнение во всем свободном мире, видно из того, что отголоски его проникли даже на страницы коммунистической печати, хотя она и неохотно разоблачает перед своими безправными читателями правду о зарубежных настроениях, если эти последние не в пользу советской диктатуры. Но мало того: даже в состав самой Академии среди забытых, терроризованных русских ученых нашлись некоторые, не выдержавшие этой крайности издевательства и наперекор десятилетней привычке к молчаливому терпению вслух заявившие свой протест. Их обличительные речи представляли верх гражданского геройства. Этому подвигу особенно придется удивляться, если вспомнить, в условиях какого гнета он был совершен и что грозило смельчакам. Но не раз уже отмеченные соображения осторожности не позволяют нам и теперь воздать заслуженную почесть героям, с указанием их имен. Но грядущее воздаст им должное.

Напрасно, однако, пропал отчаянный призыв к совести угнетателей и голос единодушного осуждения иностранного общественного мнения, перед которым они иногда так рабо-

лѣпствуют. Ничто не могло удержать зарвавшихся самодуров, спѣшивших погасить послѣдній свѣтъч свободной русской науки. Под страшными угрозами личных преслѣдованій и еще болѣе ужасными — закрытія Академіи — члены ея Совѣта не рѣшились больше голосовать против совѣтских ставленников. Так состоялись эти выборы с помощью полицейской нагайки, первые в двухсотлѣтней исторіи Петербургской Академіи и, будем надѣяться, послѣдніе.

Но уже первые годы послѣ совершенія этого отвратительного насилия принесли хотя бы частичное нравственное удовлетвореніе тѣм, кто протестовал против этой неискупимой вины. Усердіе лакеев правительства было вознаграждено по достоинству. Из новоизбранных академиков-коммунистов троє — Покровскій, Фриче и Лукин — умерли и тѣм оказались самыми счастливыми из всѣх. Дальнѣйшая судьба Деборина и Рязанова нам уже извѣстна. Бухарин, подобно Деборину, был вскорѣ разоблачен в „уклонѣ“, только на этот раз не „лѣвом“, а „правом“. Он был лишен своей фактической власти и отставлен от всѣх видов дѣятельности. Всѣ написанные им учебники по теоріи коммунизма, авторитетность которых до того считалась непреложна, были отобраны и истреблены. Но, пожалуй, наиболѣе скандальной была послѣдующая исторія „академика“ Кржижановскаго, хотя именно о нем и не было никаких формальных совѣтских разоблаченій.

Тѣм „научным трудом“ Кржижановскаго, за который ему присудили высшую научную почесть в странѣ, был ни болѣе, ни менѣе, как пресловутый „пятилѣтній план“. Как извѣстно,

автором его был не сам Кржижановский, а осо-
бый комитет инженеров-специалистов. Кржи-
жановский только провѣрил его и утвердил по
своей должности предсѣдателя „Совѣта народ-
ного хозяйства“. Через два года послѣ этого,
когда несбыточность „пятилѣтняго плана“ ста-
ла для всѣх очевидна по опыту начала его вы-
полненія, совѣтская власть, с цѣлью отвлечь
общественное вниманіе от факта позорного про-
вала своих напыщенных обѣшаній, инсцениро-
вала процесс „вредителей“. В качествѣ обви-
няемых на нем выступали авторы „пятилѣтняго
плана“, а сам он — в роли обвинительного акта.
Прокурор разоблачал его злонамѣренный, пре-
дательскій характер, подстроенный по умыслу
преступников с коварным расчетом разрушить,
а не поднять хозяйство Россіи. Подсудимые
признали себя виновными. И пока в зданіи
Верховнаго Суда в Москвѣ министр юстиції
Россійской Федеративной Республики перечис-
лял хитрые замыслы вредителей по пунктам
„пятилѣтняго плана“ — в нѣскольких кварта-
лах оттуда его товарищ по кабинету академик
Кржижановский принимал иностранных журна-
листов и излагал им в том-же порядкѣ тѣ-же
самые пункты, как свою личную заслугу и до-
стойное оправданіе доставшейся ему ученой
степени. Этот послѣдовательный приверженец
діалектики и понынѣ наслаждается своим титу-
лом.

Разгромивши таким образом Петербургскую
Академію, большевики отправились искать но-
вых жертв. Наступила очередь Украинской
Академіи в Кіевѣ. Основанное в годы граж-
данской войны, это учрежденіе за краткій про-
межуток своего существованія начало пріобрѣ-

тать уже опредѣленное имя и вырабатывать почетныя традиції. Несмотря на это, коммунисты Украины рѣшили по своему низкопоклонническому усердію не отстать от своих съверных собратій. И надо отдать им справедливость, что они их во всем превзошли. Коммунистические кандидаты в Петербургскую Академію хотя-бы по внѣшним признакам (не касаясь здѣсь вопроса об их личных достоинствах) принадлежали к кругам людей науки; всѣ они имѣли полное высшее образованіе, служили в качествѣ профессоров и обладали рядом печатных самостоятельных трудов. А в Киевскую Академію начали уже без разбора вводить комиссаров харьковского правительства. Из трех предложенных в Академію совѣтских вельмож — министра народного просвѣщенія Скрыпника, министра государственного контроля („рабоче-крестьянской инспекціи“) Затонского и министра земледѣлія Шлихтера — наиболѣе благовидно была мотивирована кандидатура послѣдняго. Дѣйствительно, Шлихтер когда-то написал нѣсколько работ по сельскому хозяйству, теоретическая цѣнность которых нашла себѣ признаніе еще до революціи. Но и он впослѣдствіи вполнѣ отдался революціонной борьбѣ и забросил науку. В послѣдніе годы перед избранием в Академію Шлихтер больше занимался такими трудами, как воспоминанія о Ленинѣ и проч. Но несравненно курьезнѣе была кандидатура Затонского, который был почему то выдвинут по кафедрѣ химіи. Затонский дѣйствительно когда-то кончил Киевскій Политехническій Институт и был инженером химиком. Но ни разу в жизни он не написал ни строчки по сути этого предмета, так что главный мотив

предложенія этой кандидатуры был другой. Дѣло в том, что в качествѣ министра государственного контроля Затонскій состоял в то-же время предсѣдателем комитета по «химізаціи», т. е. по содѣйствію развитія в странѣ химической промышленности, главным образом с военными цѣлями. Очевидно, в представлениі со-вѣтских научных генералов нѣт достаточно яснаго разграничения понятій химіи и „химізаціи“, точно так-же, как они нерѣдко смѣшивают физику с физическим трудом, или с „физической культурой“ — т. е. гимнастикой.

Впрочем, ничего другого и ждать было-бы нельзя при образовательном цензѣ третьяго кандидата в академію, министра народнаго просвѣщенія Скрыпника, впослѣдствіе покончившаго с собой. Скрыпник бывшій неокончившій студент Харьковскаго Технологическаго Института, что не мѣшало ему претендовать на мѣсто академика по кафедрѣ юридических и общественных наук. К первым он имѣл отношение только как бывшій министр юстиціи. К предстоящему избранію Скрыпника Украинская Академія Наук издала собраніе его трудов под многообѣщающим заглавіем „Рѣчи и статьи“. Подобно твореніям Сталина, всѣ эти произведенія были в свое время созданы по поводу различных политических событий и коммунистических съездов и перепечатаны в роскошном академическом изданиі со всѣми первоначальными подробностями. По вопросу об их научной цѣнности можно было-бы привести не менѣе забавные примѣры, чѣм мы это сдѣлали относительно книги Стиліна.

Еще в другом отношеніи „выборы“ в Киевскую академію представляли собою, в извѣст-

ном смыслѣ, шаг вперед по сравненію с Петербургской. Там списки кандидатов представлялись все-таки только научными учрежденіями; ими-же ограничивалось обсужденіе достоинств и недостатков каждого. А здѣсь совѣтская власть уже без всяких церемоній перешла к своему излюбленному пріему фальсификаціи — подстроенным „требованіям рабочих“. Как известно, в совѣтской Россіи всякая мѣра, направлена к ограбленію или притѣсненію населения, производится всегда по его собственному настоятельному требованію, как-то: всѣ принудительные займы, запрещеніе продавать их облигациіи, откровенные налоги, всякие виды сверхурочного бесплатного труда и пр. Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣх пріемах, которыми достигается такой парадоксальный результат. Но на Украинѣ коммунисты рѣшили употребить тот-же маневр и на выборах в академію, не подумав о том, будет-ли здѣсь это имѣть какой-нибудь хотя-бы формальный смысл. Разумѣется, он был примѣнен только к трем кандидатам-комиссарам, так что по крайней мѣрѣ никто уже не мог смѣшать серьезных кандидатов с шутовскими. Забойщики Донецких шахт, батраки из Новороссіи и пр. на своих собраніях выносили резолюціи о принятіи в академію „товарищей Затонского, Скрыпника и Щлихтера“, мотивируя их тѣм, что „они не только ученые, но и революціонеры“. И в такой характеристикѣ еще скрыта недооценка достоинств почтенных кандидатов. Можно было сказать сильнѣе: они только бывшіе революціонеры, но вовсе не ученые.

Измѣнилось и отношеніе настоящих представителей ученаго міра к предстоящим выбо-

рам. В Петербургѣ еще пытались упорствовать, возражать. Там еще не вполнѣ учитывали всю рѣшительность наступленія, поведенного правительством на твердыни науки и потому надѣялись отстоять ея вѣковыя вольности. В Киевѣ несомнѣнно издѣвательство было наглѣе в уже указанных двух смыслах. И тѣм не менѣе академики молчали. Три комиссара безпрекословно были приняты и конь Калигулы водрузился в покорном сенатѣ. Но нельзя за это обвинять украинских ученых в недостаткѣ гражданского мужества. Совѣтская власть обнажила свое лицо террориста. Киевляне поняли, что по своему истинному замыслу провозглашенное расширение штатов обѣих Академій было равносильно их упраздненію, или, по крайней мѣрѣ, окончательному лишенню званія академика его прежняго почетнаго ореола—то, чего не понимали в Петербургѣ.

По своей дальнѣйшей судьбѣ ставленники властей в Киевской Академіи также были счастливѣе, чѣм их петербургскіе собратья. Исключение составляет Скрыпник, который уже в 1933 году был уличен в националистическом „уклонѣ“, смѣщен со своей должности министра народного образования и вызван в Москву на „партийный суд“. Не дожидаясь разбора дѣла, он застрѣлился.

Что же касается Затонского, то он успѣл впослѣдствіи даже принести известную пользу наукѣ, разумѣется, не своими опытами по химіи, а своим административным вліяніем. Когда происходила конференція академіи наук в Киевѣ, Затонский пріѣхал на нее из Харькова и из любопытства пошел обѣдать в академическую столовую, хотя, конечно, мог достать себѣ

лучшую трапезу. Качество подававшихся в ней блюд произвело такое неожиданно тяжелое впечатлѣніе на важнаго комиссара, что он немедленно отдал распоряженіе об улучшеніи питанія ученых и этим заслужил их искреннюю благодарность.

Так был завершен первый рѣшительный шаг к разгрому обѣих академій. В среду их членов были посажены преданные коммунистической диктатурѣ шпіоны. Довершить оставленное оказалось легко. Обнаглѣвшіе коммунисты рѣшились на новое варварство, также невиданное в исторіи русской науки: на исключеніе из Академій ея старых членов. При нормальных условіях такой акт мог бы быть допущен разве только в том случаѣ, если бы было доказано, что самое избраніе даннаго академика было плодом недоразумѣнія, что при этом одно лицо было бы принято за другое, или было бы обнаружено подложное авторство трудов, подавших повод к утвержденію кандидатуры. В прежнее время в Россіи бывали случаи, когда академиков за политическія преступленія заключали в Петропавловскую крѣпость, но все-таки не лишали их научнаго званія. А при совѣтской власти исключение академиков состоялось по мотивам, даже ничего не имѣющим общаго с наукой. На академиков возводились позорные фантастическія обвиненія, напоминающія процессы о вѣдовствѣ в средніе вѣка. Тяжело сейчас распространяться об этом мартирологѣ русской науки, а говорить здѣсь о живых страдальцах значит, может быть, ускорить для них трагическую развязку. В 1933 году за границу пришли свѣдѣнія о смерти всѣми уважаемаго историка академика Глато-

нова. Он угас в Самарѣ в ссылкѣ, прошедши перед этим долгія мытарства по сѣверным каторгам и застѣнкам Г. П. У. Его также исключили перед этим из Академіи Наук. Но особенно характерны были мотивы этого поступка. Как можно было догадаться по темным намекам в официальных объясненіях, главным обвиненіем против Платонова было тщательное сохраненіе им исторических архивов послѣдних лѣт монархіи и начала революціи. Очевидно, совѣтская власть знала о содержащихся в них документах с данными, невыгодными для нея и разыскивала их с цѣлью истребленія. Платонов геройски исполнял свой долг историка и таил цѣнныя памятники от жадных вандалов, отлично сознавая, какой опасности он себя подвергает. Его безкорыстные заботы пропали даром. Но потомство не откажет ему за это в своей благодарности.

ГЛАВА VII

Совѣтская Наука.

Совѣтская власть совершенно не допускает употребленія термина „русская наука“. Она даже подвергает за него преслѣдованіям, как за проявленіе „шовинизма“ и „великодержавности“. Точно также, как известно, не разрешается говорить и „русская литература“. Вместо этого признаются обязательными выраженія „совѣтская наука“ или литература. Но по существу необходимо разграничить понятія русской науки и совѣтской науки. Если русскій народ в теченіи двух столѣтій с тѣх пор, как он вступил на арену европейской культуры при Петрѣ Великом, давал ряд даровитых дѣятелей науки, то не было основанія ожидать, что эта творческая способность немедленно изсякла послѣ установленія большевицкаго правительства, каким-бы отсталым и обскурантским оно ни было. В этом смыслѣ, если угодно, можно говорить не о завершившемся убийствѣ русской

науки совѣтской властью, но о длящемся и по-
нынѣ покушеніи на убийство. Недалек, однако,
час, когда это покушеніе увѣнчается успѣхом.
Оставались при совѣтской власти живы преж-
ние дѣятели науки, нарождались новые, спо-
собные продолжать их дѣло. Как из тѣх, так
и из других нѣкоторым удастся, не взирая на
всѣ препятствія, разставленные совѣтскими
комиссарами, пробивать себѣ дорогу к полаз-
ным трудам. Эти послѣднія, по спрѣвѣдли-
вости, составляют такое-же достояніе русскаго
народа, как и открытия, сдѣланныя выходцами
из него в ту эпоху, когда самое имя Россіи не
обрекалось еще гоненіям. Труды Павлова, Ла-
зарева, Стккова и др. с таким-же правом мо-
гут быть причислены к русской науцѣ, с ка-
ким труды Нернста считаются нѣмецкой нау-
кой, а Лоренца голландской.

Но есть такія произведенія, в заглавіях ко-
торых тоже склоняется слово наука и притом
«совѣтская наука», но на которых русскій народ
не станет предъявлять никаких претензій, т. к.
онъ ничего не прибавляют к его національной
гордости. Никто не станет оспаривать у «со-
вѣтской науки» ея право на такія произведенія,
как «Основы ленинизма» Стала, «Ленин и
кризис новѣйшей физики Деборина, «Как я
видѣл Ленина» Шлихтера и безчисленные им
подобныя. Как извѣстно, Петербургская Пу-
блічная Библіотека при совѣтской власти за-
няла первое мѣсто в мірѣ по количеству назва-
ній. Но если подавляющее большинство ея
новых приобрѣтеній состояло из совѣтских
пропагандно-рекламных издѣлій, то навряд-ли
нѣсколько миллионов нового хлама могут воз-
наградить ее за потери нѣскольких цѣнных

старинных экспонатов, похищенных из нея или распроданных совѣтской властью.

Воспользуемся послѣ произведенного разграничія понятій вмѣстѣ с тѣм случаем сдѣлать важную оговорку, необходимую для точнаго пониманія руководящей мысли настоящей статьи. Если мы говорим об упадкѣ русской науки с тѣх пор, как над нею нависла тяжкая длань совѣтской диктатуры, то из этого отнюдь не слѣдует выносить то впечатлѣніе, что русскій народ перестал производить даровитых людей. В общем эпиграфъ выражена мысль точнѣе. Мы только хотим доказать, что совѣтская власть ставит их работу в как можно болѣе неблагопріятныя условія и вообще дѣлает все от нея зависящее, чтобы воспрепятствовать их плодотворным занятіям.

Займемся разбором этой специфически-совѣтской науки, доктрины и авторитеты которой родились вмѣстѣ с коммунистической диктатурой в Россіи и вмѣстѣ с нею умрут. В устах совѣтского обывателя эпитет „совѣтскій“ перед словом наука имѣет такой же оттѣнок, как и в сочетаніях „совѣтское сукно“, „совѣтскія папиросы“ — т. е. плохое сукно или папиросы. Точно также, замѣтим попутно, не слѣдует смѣшивать между собою понятіе русскаго языка и совѣтскаго языка. Фраза:

„Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать“ написана по русски, но фраза: „Колхоз прикрепил оргуполномоченных к спецраспределителю“ — по совѣтски.

В преподаваніе во всѣх школах на всѣх уровнях образованія введены эти специальносовѣтскіе предметы. Их нельзя смѣшать с другими дисциплинами уже по тому особому

пологенію, в якотрое власті сами сп'яшат их выдѣлить. Без этого, пожалуй, трудно было бы их иногда опознать по одним названіям, так как послѣднія очень разнообразны и часто совершенно неожиданны. Сюда входят: политическая экономія, экономическая политика, история классовой борьбы или революціонных движений, история „партии“ — т. е. Российской коммунистической партии, советская экономика, вопросы ленинизма, национальный вопрос, діалектический материализм, иногда даже просто „методология“, текущая политика, политическая занятія и многія другія.

В тѣх высших учебных заведеніях, гдѣ эти предметы не являются специальными, понятно, что сами они не могут вызывать ничего интереса и, чтобы заставить студентов заниматься ими, приходится поэтому прибегать к особым пріемам стимуляціи. Ізвѣснія академіческія группы заключают между собою обычные советскіе „договоры о соціалистическом соревнованії“ по прохожденію этих предметов, хотя к другим наукам такой пріем, как правило, не примѣняется. Общія собранія выносят резолюціи об обращеніи „особаго вниманія“ на тот или иной советскій предмет в преподаваніи — разумѣется, подменольные, как и всѣ советскія собранія и резолюціи. В главѣ, посвященной просвѣщенію, мы подробнѣе коснемся вопроса о том, с какою истинною цѣлью вводятся в программы эти предметы, ложащіеся на нее тяжелым бременем, и о том своеобразном „идеологическом шпіонажѣ“, назначеніям котораго они служат. В настоящем отданіи для нас представляют особый интерес посмотреть, как дѣлается советская наука — т. е. во-

прос о єя методології.

Історія тоже стала причислятися к циклу совєтських наук, або, по офіційному вираженню, „соціально-економіческих“. Такое крайне невигодное и даже обидное положеніе, в котором оказалось эта стырая и почтенная наука, объясняется тем несчастным обстоятельством, что Маркс ю занимался. Стоя близко к соціології и економікѣ, она допускает болѣе наглядное примѣненіе діалектического материализма. Приложеніе этого послѣдняго к прагматизму исторіи получило название исторического материализма. Поэтому вѣдь не отдѣлываются формальными безсодержательными оговорками, а силятся передѣлать на свой лад самое содержаніе науки. По этой же причинѣ не слѣдует смѣшивать между собою русскую исторіографію и русских историков, как-то: Платонова, Ключевского и др., с совєтской исторіографіей и совєтскими историками, как-то: Покровским, Фриче, Ярославским, Полоповым, Яворским и др., разбором дѣятельности которых мы и займемся.

Отличительной чертой совєтской исторіографіи является прежде фальсификація. Совєтские историки избирают темы для своих сочинений главным образом из времен новѣйших, а преобладающей темой их изслѣдований является русская революція 1917 года, ея непосредственные причины и послѣдствія. Вполнѣ естественно, что почтенные историки чувствуют себя болѣе увѣренно на почвѣ событій, которых они в большинствѣ своем были свидѣтелями, а не рѣдко и участниками, а также находят в них болѣе подходящій матеріал для примѣненія своей теоріи.

Не приходится, конечно, говорить о свободѣ науки в примѣненіи к такой вѣтви ея, как „исторія партії“. Эта дисциплина открыто ставит себѣ цѣлью наибольшее прославленіе вождей россійскаго коммунизма и униженіе как их противников, так и разоблаченных впослѣдствіи „оппозиціонеров“. Так как всѣ средства хороши для достиженія этой цѣли, то и с исторической достовѣрностью не так считаются. Для характеристики научнаго безпристрастія совѣтской науки можно привести в качествѣ примѣра „Исторію гражданской войны“, изданную Военнай Академіею имени Фрунзе. Совѣтуем читателю нарочно поискать в приложенном к ней алфавитном указателѣ имя Троцкаго. Окажется, что Троцкій упоминается в этой книгѣ один (!) раз по поводу невѣрнаго плана, который он предлагал для диспозиціи одного сраженія и который во время успѣл разоблачить Фрунзе. Повидимому, по мнѣнію авторов исторіи, этим роль Троцкаго в гражданской войнѣ в Россіи и ограничилась.

Возник даже странный способ рѣшать теоретическіе вопросы большинством голосов. Коммунистическая Академія в Москвѣ обсуждает то или иное разногласіе по вопросу об исторіи коммунистической партіи в Россіи и выносит по нему постановленіе, которое и считается критеріем уже неоспоримой истины. Послѣ этого всякая полемика на эту тему прекращается и если бы кто вздумал возобновить ее, то немедленно был бы обвинен в попыткѣ ревизіи и идейной неблагонадежности.

Но и такой способ управлениія наукой, как чрезмѣрно демократической, уступает в послѣднее время в ней, как и во всем, мѣсто необуздан-

ному единовластію Сталіна. Блестячій прим'єр того адміністративного давлення, яке красний диктатор оказывает на совєтську науку, може служити його нашумівшее письмо в редакцію „Пролетарська революція“. Послѣ свого вихода в свѣт оно немедленно було сдѣлано предметом благоговійного изученія на всѣх „політических занятіях“ страны. Повод к нему подала незадолго до того помъщена в том-же журналѣ стаття Слуцкаго. Автор в ней разбирал чисто історический вопрос, лишенный, правду говоря, всякої практическаго интереса: о том, придерживался ли Ленин в годы міровой войны точки зрењія необходимости немедленного захвата власти коммунистами — и приходит к отрицательным выводам. Редакція журнала, считая, очевидно, доводы Слуцкаго неисчерпывающими, помѣстила статью с оговоркой „в порядкѣ дискуссії“. Вот этот то поступок и возбудил негодованіе Сталіна. Он считал, что стаття Слуцкаго ставила под сомнѣніе вопрос о том, был ли Ленин большевиком в період Русско Германской войны, была следовательно оскорбительна для памяти Ленина, а потому ее вовсе не слѣдовало помѣщать даже в дискуссіонном порядкѣ. Итак, по Сталіну, существуют вопросы даже чисто історические, которые нельзя дѣлать даже предметом дискуссії. „Клевету заклеймить, а не превращать в предмет дискуссії“ — вот данный им лозунг. „Прекратить дискуссію!“ — такой вид в устах нового самодура Сталіна пріобрѣл оклик дореформенных жандармов „не разсуждать“. Только теперь система управлінія Гоголевскаго Держиморды перенесена и на область науки.

Тому же Сталину принадлежит честь изобрѣтенія особой „идеологической цензуры“, этого орудія умственного гнета, тяжесть кото-раго менѣе ощущалась даже при Ленинѣ. Сталин-же довел ея подозрительность до степени совершенно болѣзнистой мнительности. Как нѣкогда Ивану Грозному, во всем ему мере-щится измѣна и крамола — на его языкѣ „уклон“ и „оппозиція“. Самое работѣпное усердіе не может спасти его холопьев от неожиданных обвиненій и опалы. В наукѣ также установилась эта господствующая в настоящее время во всѣх отраслях жизни в совѣтской Россіи атмосфера — самодурства и неограничен-наго произвола с одной стороны, занискиванія и запуганности с другой.

В связи с этим всѣ новые книги, выпу-скаемыя по совѣтской наукѣ, весьма скоро послѣ выхода в свѣт уличаются в каких-нибудь политических „ошибках“ и подвергаются изъятію. Так напримѣр, по истории коммуни-стической партіи много яѣт пользовался правом монопольного изданія учебник Попова. Всѣ остальные задолго были осуждены, как апокри-фические и конфискованы. Но вот услужливые сикофанты обнаружили „ошибки“ и у Попова. Нужды нѣт, что каждое новое изданіе этой весьма распространенной до того книги выхо-дило дополненное новыми фактами и новыми измышленіями о давно прошедших событиях и исправленное в угоду очередному теченію по-литики. Дѣносчиками, разоблачившими „ошиб-ки“ Попова, руководила не безкорыстная рев-ность к истинѣ, а личные счеты и выгоды. Во всяком случаѣ их подковы увидались полным успѣхом и учебник Попова был осуж-

ден и отвергнут высшим начальством. Но этим оно поставило в затруднительное положение всѣ учебные заведения Россіи, так как вездѣ проходила исторія коммунистической партіи и вездѣ по тому-же единственному учебнику Попова. Теперь не осталось ни одного. Надлежало чѣм-нибудь восполнить этот пробѣл, чтобы не срывать преподаванія столь угодного им совѣтскаго предмета. За эту работу взялся Ярославскій, до того весьма влиятельный коммунист. Он сталъ главѣ редакціонной комиссіи из нѣскольких человѣк, которая и подготовила к 1931 году новое многотомное изложеніе исторіи Россійской коммунистической партіи, по совѣтскому великолѣпно изданное государственным издательством.

Но не долгъ оказался вѣк этого роскошнѣйшаго цвѣтка совѣтской науки. Всего через нѣсколько дней послѣ выхода в свѣт „Исторіи“ Ярославскаго недремлющее око сталинских фискалов открыло „ошибки“ и в ней. Мгновенно развернулись всѣ обычныя в таких случаях послѣдствія. Распространеніе изданія было тотчас-же остановлено. Его главному редактору Ярославскому пришлось пройти чрез тѣ-же ступени униженія и самобичеванія, как в свое время Деборину, еще раньше Рыкову, Бухарину и другим. Нѣсколько мѣсяцев подряд газеты и журналы пестрѣли покаянными письмами недавно еще могущественнаго Ярославскаго, в которых он тщательно анализировал свои прошлые ошибки, расточал брань по своему собственному адресу, надѣясь таким образом укротить ярость временщика. Неизвѣстно, удалось-ли ему вымолить для себя пощаду, но твореніе его погибло безвозвратно.

Пріємлемаго руководства по „исторії партій“
попрежнему не было.

Такая-же картина наблюдалась и по другим совєтским наукам. Так-же быстро в них смеяли друг друга учебники, школы, авторитеты. К началу каждого учебного года назначалось новое пособие по политической экономии — Михалевский, Дашковский, Лапидус — и до конца учебного года оно уже подвергалось изъятию, а полученные из него свідчення провозглашались превратными. Столъ-же непрочны оказывались и должности профессоров и преподавателей по совєтским наукам. За каждую обмolvку они подвергались обвиненіям то в лѣвом, то в правом „уклонѣ“, то в иных непредвидѣнных извращеніях неуловимой „партийной линії“. Перепуганные такой нескончаемой травлей профессора рѣшили снять с себя отвѣтственность за содержаніе и изложеніе учебного материала и так как к каждому сказанному слову всегда могли придаться, то они предпочли на своих лекціях попросту... молчать. На помощь этой своеобразной забастовкѣ очень кстати пришелся так называемый лабораторный метод преподаванія. Он заключается в том, что студенты в урочные часы в помѣщеніи аудиторіи сами читают отмѣченные страницы в учебниках, а роль профессора ограничивается разъясненіем возникающих сомнѣній и наблюдением за порядком. По истечениіи определенного раздѣла курса устраиваются конференции, на которых профессор провѣряет степень усвоенія слушателей и дает свой авторитетный заключительный отзыв по каждому спорному вопросу. При проведеніи этой системы, заимствованной из западной

педагогики, в совѣтской Россіи возникли многія своеобразныя варіаціі, о которых здѣсь, однако, не мѣсто распространяться.

Для нас представляет при этом интерес то обстоятельство, что лабораторный метод был введен раньше всего и получил наиболѣе широкое распространеніе именно для совѣтских наук, тогда как для серьезных предметов еще долгое время сохранялась старая лекціонно-зачетная или семинарская система. Причина заключалась именно в этой запуганности преподавателей, желавших свалить с себя ответственность за преподаваніе на рекомендованные учебники. Впрочем, был у них и другой мотив. Он заключался в крайней безсодержательности, бѣдности фактами нѣкоторых совѣтских предметов, (в частности вопросов ленинизма, национального вопроса, методологіи, и пр.) и непомѣрно просторном времени, всегда отводимом для них в расписанії. Общепризнанной отличительной чертой лабораторного метода по сравненію с лекціонным является его известная медлительность (что, впрочем, говорится отнюдь не в укор ему). Но совѣтскіе профессора жестоко злоупотребляли этой особенностью для заполненія лишняго времени.

Вновь возродилось средневѣковое понятіе „ересь“ в том его пониманіи, которое казалось совершенно оставленным человѣчеством. В новое время слово ересь опредѣлялось как ученіе, религіозное или философское, противорѣчашее господствующему в данную эпоху теченію. А большевики вернулись к тому опредѣленію, которому могли придавать смысл только в средніе вѣка: ересь есть ложное учение. В тѣсной связи с такими понятіями стоят,

очевидно, та насмѣшливая кличка „совѣтское богословіе“, которым народнâя рѣчъ окрестила діалектическій матеріализм, а отчасти и всѣ связанныя с ним совѣтскія науки.

Но и лабораторный метод оказывался без силен спасти совѣтских педагогов от обвиненій в ереси. Они не находили книг, на которых могли бы положиться. Преподаватели, рекомендовавшіе своим слушателям книгу, еще вчера одобренную в качествѣ офиціального руководства, уже сегодня подвергались за этот самыи поступок наказанію, как за распространеніе оппозиціонной литературы. Таким неожиданным обвиненіям особенно способствовало повѣтріе всеобщаго дѣносительства в совѣтской Россіи, в которой всегда находятся охотники подкопаться под любого профессора или иное должностное лицо с цѣлью воспользоваться самим его мѣстом и окладом. А послѣ того, как по „исторіи партії“, политической экономіи и др. совѣтским наукам вообще не осталось никаких дозволенных к употребленію пособій, преподаватели волей неволей были вынуждены отказаться от лабораторного метода обученія и вернуться к лекціонному. Так им снова пришлось брать на свою отвѣтственность все изложеніе учебнаго матеріала с той только разницей против первоначального положенія, что теперь у них не было даже печатных источников, по которым они могли сами готовиться к лекціям и справляться о „правильной политической линіи“. Из огня они попали да в полымя. Власти встрѣтились лицом к лицу с полной невозможностью преподаванія совѣтских предметов, на котором они так настаивали. В отчаянных поисках книг, которых нельзя было бы

заподозрить в „ереси“, правительство Сталина обратилось с воззванием ко всем лицам, которых оно же заставляло изучать диалектический материализм, приняться за ознакомление с его первоисточниками. Под таковыми оно подразумевало труды Маркса и Ленина, всех тѣх, на чей авторитет сам Стalin не имѣл мужества посягнуть. Но и эта послѣдняя соломинка, за которую ухватился утопающей самодур, не спасла его. Самая творенія его предшественников, которым он на словах продолжал клясться в своей вѣрности, разоблачили тот рѣзкій разрыв с их указаніями, который Сталин произвел на дѣлѣ. Как извѣстно, цѣлый ряд произведеній самого Ленина тайно запрещен Сталиным к печатанію и распространенію, как напримѣр, его знаменитое „Завѣщаніе“, в котором содержались слова: „Уберите Сталина: он доведет партію до раскола и гибели“. Таким образом, по мнѣнію Сталина, (о котором, впрочем, можно только догадываться, так как он не рѣшается высказывать его открыто) исторія отступленій от „правильной ленинской линіи“ начинается с самого Ленина, подобно тому, как некоторые считали в прежнее время первым революціонером в Россіи Императрицу Екатерину II, а основателем неевклидовой геометріи самого Эвклида.

Основное многотомное произведение Маркса „Капитал“, которое всегда по справедливости считалось энциклопедіей теоретического коммунизма, также не пользуется расположением Сталина. Ставя препятствія к распространенію этого сочиненія, трусливый прихвостень марксизма для объясненія своей странной скрытности ссылается на состав лиц, принимавших

прямо или косвенно участіе в подготовкѣ его русского изданія. Перевод был сдѣлан Базаровым и Степановым-Скворцовыми. Из них первый был впослѣдствіи осужден на процессъ статистиков - „вредителей“, а другой уже известен нам в качествѣ „загробнаго оппозиціонера“. Общим редактором был лидер „праваго уклона“ Бухарин, а материал был свѣрен с первоначальными источниками Рязановым. Наконец, предисловіе представляло перевод нѣмецкой статьи Каутскаго, котораго россійские коммунисты провозглашают „ренегатом“ за то, что он в началѣ міровой войны вмѣстѣ со всѣми остальными германскими соціал-демократами показал себя истинным сыном своей націи и тѣм на дѣлѣ опроверг лживый тезис Маркса о том, что „пролетаріи не имѣют отечества“. Вот какія лица еще недавно считались лучшими знатоками Маркса и марксизма.

Дѣйствительно полное собраніе сочиненій Ленина ни разу не выходило послѣ его смерти, как, разумѣется, и при его жизни. Но даже урѣзанное и приспособленное к политическим выгодам Сталина изданіе заключало в себѣ от 20 до 30 томов и в таком видѣ было, конечно, слишком громоздко для того широкаго распространенія, которое хотѣл ему дать новый диктатор. При таком положеніи возникла естественная мысль издать сокращенный сборник избранных произведеній Ленина. Размеръ его был установлен в 6 томов. Предсѣдатель государственного издательства Халатов обеспечил всѣ мѣры к тому, чтобы снабдить этим изданіем бесплатно весь командный состав арміи совѣтской Россіи и всѣх коммунистов. Были назначены цѣлые штаты переводчиков для пе-

ревода этого издания на всѣ важнѣйшиѣ языки земли, вплоть до персидского и китайского. Главным редактором был назначен Ярославский. Это было еще до инцидента с его Исторіей Коммунистической Партии. И когда подготовленное с таким аппломбом собраніе избранных сочиненій Ленина было закончено — результат был поистинѣ неожиданный: Stalin и в нем нашел политическія „ошибки“! Разумѣется, не со стороны Ленина, перед которым Stalin пресмыкается, как дикарь перед своим идолом, и над ним-же издѣвается; но со стороны Ярославского, который якобы произвел тенденціозный подбор выдержек из Ленина с цѣлью обоснованія своих еретических взглядов. Даже перед такими дѣтскими увертками не останавливается диктатор-діалектик, чтобы избѣжать необходимости открыто признаться в крахѣ мнимо-научных теорій своих предшественников и ужасающем разрывѣ между словом и дѣлом в собственной политикѣ.

Пресловутый „шеститомник“ Ленина был изъят... Восемь миллионов книг наполняют Петербургскую Публичную Библіотеку. Но для всеобщаго употребленія 150 000 000-наго народа из них рекомендована только одна: это „Основы ленинизма“ Stalina. Все, что противорѣчит ей, изъято как вредное, а что согласно с ней, изъято как излишнее, подобно тому, как поступил когда-то калиф в отношеніи корана.

Мы закончим этот отдѣл еще одним любопытным эпизодом, наглядно характеризующим методологію совѣтской науки. Это исторія большой совѣтской энциклопедіи. Совѣтская власть затѣяла в 1926 г. это издание и возлагала на него большія надежды, как на чрезвы-

чайно удобный предлог для рекламы своих хваленых „достижений“. Официальная печать приветствовала зарождение энциклопедии напыщенными похвалами. „Правда“ писала, что в „буржуазном“ мірѣ нигде сейчас невозможен выход в свет энциклопедии, такая там теперь господствует растерянность, неуверенность в настоящем и будущем. Только „пролетарская“ наука сейчас способна на создание такого капитального труда. Не довольствуясь, однако, привлекательностью одной рекламы, советская власть для распространения своего любимца прибегла дополнительно и к привычной мѣрѣ — принудительной подпискѣ. Эти красноречивые предсказания оправдались во всѣх подробностях. Всего через год послѣ этого вышло новое издание „Британской Энциклопедии“, хотя и буржуазной; а судьба ея „пролетарской“ соперницы сложилась также чрезвычайно оригинально.) Ея первым главным редактором был Бухарин. Но не успѣл он довести свое дѣтище от начала даже до собственной фамилии на букву Б, как был уличен в „правом уклонѣ“ и замѣнен. Дебориным Но с этим повторилась в точности такая-же история, вплоть даже до курьезного совпадения с первой буквой его собственной фамилии. Пришлось назначать новую редакціонную комиссию, уже третью по счету. Ей удалось успешно закончить том, содержащий в себѣ фамилію Деборина, но уже в слѣдующем по счету томѣ надлежало помѣстить статью о... діалектическом материализмѣ. И об этот подводный камень разбился побѣдоносный корабль пролетарской науки. Тщетно бросал Сталин клич по всѣм необъятным просторам красной имперіи, по своей вѣрной опорѣ — коммуни-

стической партіи и коммунистической молодежи, по своим коммунистическим академіям, институтам, кафедрам, рабочим факультетам и т д. — нигдѣ, от бѣлых вод до черных, от Института мозга в Петербургѣ до Педагогического Техникума в Якутскѣ не находилось такого смѣльчака, который рѣшился-бы написать статью на эту благодарную тему и в награду за это раздѣлить участь двух первых редакцій. Неумолчный гул дифирамбов и гимнов, воспѣвавшихся в честь діалектического материализма и его чудодѣйственных благотворных сил внезапно смѣнился гробовым молчанием, как только пришлось отвѣтить на вопрос: что это такое?

Нѣсколько лѣт стояла совѣтская энциклопедія на этой мели, тщетно пытались с нея сдвинуться. Одурченные громкими предварительными рекламами подписчики уже готовы были свыкнуться с необходимостью на вѣчныя времена удовлетвориться первыми двадцатью томами энциклопедії, заключавшими в себѣ справочныя свѣдѣнія на первыя четыре с половиной буквы алфавита. Но их недоумѣніе разсѣялось в 1932 году, когда внезапно им всѣм был разослан... шестьдесят пятый том, заключавшій в себѣ буквы Щ, Щ, Э, Я — т.е. послѣдній. К тому было приложено весьма вразумительное предисловіе, объяснявшее, что ввиду вкравшагося в начальные выпуски энциклопедії ряда политических ошибок и трудностей, связанных с подготовкой статьи о діалектическом материализмѣ, редакція рѣшила печатать энциклопедію с конца. Каковы-бы ни были другія достоинства и недостатки этого чуда классовой науки, за ним навѣки останется

заслуга изобрѣтенія новаго непогрѣшимаго спо-
сoba избѣгать политических и научных ошибок —
писать книги от конца к началу. Впрочем,
по основной мысли и оно напоминает Крылов-
скій квартет.

Разсмотрѣніе истинных скрываемых моти-
вов необычайной „идеологической“ мнитель-
ности Сталина привело-бы нас к политическим
выводам чрезвычайно широкаго значенія. Из
под ног коммунистов выбита их наиболѣе
прочная база — их теорія. Ни услужливая схо-
ластика, ни эластичная діалектика, ни другіе,
болѣе наглые пріемы научнаго шарлатанства
уже не в силах скрывать, как прежде, оконча-
тельную катастрофу системы марксизма. Ку-
да-же в самом дѣлѣ идти дальше, если даже в
странѣ, гдѣ он по прежнему признается сфи-
циальном программою, ничего не могут при-
думать лучшаго, чѣм скрывать от народа его
теорію, которую прежде с таким усердіем
внѣдряли? Научный соціализм, этот блестящій
фантом, который в теченіи многих поколѣній
увлекал немало искренних возвышенных умов
во всѣх классах и націях, разлетѣлся как
мыльный пузырь. Остался бездушный деревян-
ный чурбан, от которого никто из прежних
поклонников не станет уже с вѣрою ожидать
милости. Соціализм мертв. Человѣчество долж-
но понять это и направить всѣ заботы к тому,
чтобы заполнить образующуюся на его мѣстѣ
пустоту новою, болѣе стройною и мощною,
теоріей.

Глава VIII.

Совѣтское мѣстничество.

При переходѣ ко второй основной задачѣ настоящаго очерка—можно возразить с самаго начала, что подбор способных дѣятелей для науки есть дѣло не государства, а самой природы. Никакая человѣческая власть не может приказать дураку стать геніем. Какбы ни оказался разрѣшен тягостный вопрос о соотношении біологических и соціальных факторов в образованіи личной одаренности, во всяком случаѣ ясно одно, что не предпочтеніе начальствующих выдѣлило Ломоносова из тысяч таких-же, как он, архангельских рыбаков и повелѣло ему стать основателем русской науки, или судило сыну корсиканского крестьянина Буона-парте покорить полміра своему господству.

К чemu-же должна в этих условиях сводиться роль государства? Человѣческое дарованіе представляет собой самый цѣнныій дар природы, болѣе рѣдкій, чѣм великие алмазы и жемчужины. Сберегать эти сокровища, охранять их

от преждевременного потускніння и разрушеннія, ставить их в наилучшія умови для скорѣйшаго достиження ими полного блеска—вот что является одною из важнѣйших обязанностей цивилизованного государства и самою лучшою услугою, которую оно может оказать как представляемой им нації, так и всему человѣчеству. Практика дѣятельности просвѣщенных правительств Запада подает ряд примѣров бдительной охраны этого сокровища, которое, помимо своей рѣдкости, отличается от других еще свойством индивидуальности, незамѣнимости. Но наиболѣе крайним примѣром грубаго, чисто-вандальскаго пренебреженія к этой цѣнности, скотоводческаго презрѣнія к особенностям человѣческой личности—представляют собою спять таки мѣропріятія совѣтской власти в Россії.

В чем заключаются тѣ наилучшія умови для развитія, в которых государство обязано ставить личность, рано проявившую свою одаренность? В сущности, от власти в этом отношеніи требуется очень немногое, главным образом чисто отрицательная мѣропріятія: если не помогать, то хоть не мѣшать. Необходимо каждому способному юношѣ дать возможность получить образование в той специальности, к которой он испытывает склонность, при том по возможности лучшее по качеству, а затѣм—посвятить себя работѣ в той же области. Это тот необходимый минимум, ниже которого не могут спускаться требованія к дѣятельности правительства в одном из отдѣлов области народнаго просвѣщенія. Но многоя иностранныя правительства выполняют в этом отношеніи гораздо больше.

Наиболѣе ярким примѣром истинно культурного бдительного отношенія к даровитой личности является произведенное в С.-А. С. Ш. массовое испытаніе всѣх учащихся начальной школы особыми «тестами» общей одаренности. Было установлено специальное наблюдение за дѣтьми, проявившими при этих испытаніях выдающіяся способности, для чего создан цѣлый штат из 400 ученых психологов. Цѣлью этого негласнаго надзора со стороны государства было оказывать всяческое содѣйствіе для полученія образованія и продвиженія в жизни отобранным дѣтям, на которых смотрѣли, как на будущую надежду націи. Большую популярность пріобрѣла на Западѣ и идея отдѣльных школ повышенного типа для дѣтей с особо выдающимися способностями, подобно тому, как существуют вспомогательные школы для дѣтей умственно отсталых. Но эта прекрасная идея оказалась-бы совершенно непріемлемой в совѣтской Россіи, судя по всему тому, что мы увидим ниже.

В совѣтской Россіи дѣло народнаго образованія цѣликом монополизировано в руках государства, как, впрочем, и всѣ остальные отрасли общественной жизни. Лишая граждан возможности создавать частныя учебныя заведенія, государство тѣм самым берет на себя обязанность замѣнить их вполнѣ и без ущерба. Но дѣйствительно ли всякий человѣк, надѣленный склонностью и способностью к наукам, имѣет возможность в совѣтской Россіи получить свободно и безпрепятственно необходимую ему подготовку?

В настоящее время, дѣйствительно, число учебных заведеній, называемых высшими, в со-

в'єтской Россії н'єсколько увеличено по сравненію с т'єм положеніем, которое им'ло м'єсто до революції. Но зато в них введено положеніе, не существовавшее при царской власти: а именно ограниченные нормы пріема. Оставим сейчас в сторонѣ, как официаль но выставляемые мотивы к учрежденію этой м'єры, так и возможные догадки о скрываемой истинѣ. Как бы то ни было, ввиду нер'єдко наблюдавшагося, особенно в первые годы существованія совѣтскаго строя, значительного перев'єса числа кандидатов в высшія учебныя заведенія над количеством наличных вакансій, власть была вынуждена ввести конкурсные экзамены в качествѣ условія пріема.

Какія-же именно качества кандидатов проявлялись на этом конкурсѣ? Способности-ли, знанія, или просто степень подготовленности к восприниманію предстоящаго курса? Странным образом — ни одна из этих сторон. Рѣшающим признаком при отборѣ из числа кандидатов, превышающаго количество наличных вакансій, является их так наз. «соціальное происхождение». На этом понятіи необходимо остановиться подробн'є. Оно вообще играет значительную роль во всей совѣтской системѣ управления и, повидимому, т'єсно связано с самыми основными доктрина марксизма.

Д'єло заключается в том, что все населеніе совѣтской Россії разбивается на ц'єлый ряд сословій. Этот термин зд'есь бол'ше ум'єстен, ч'єм общественные классы. Согласно общепринятой классификаціи, признаной и марксистами, разграничение между классами проходит по линіи производственных отношений, а между сословіями по правовым преимуществам, кото-

роя существующій государственный строй присваивает определенным категоріям лиц на тѣх или иных основаніях. Исходя из точного смысла марксистских категорій, можно было бы, между прочим, доказать, что в совѣтской Россіи в настоящее время вовсе нѣт „пролетариата“, точно так-же, как, понятно, нѣт и буржуазіи. Мы здѣсь не станем заниматься обоснованіем этого, как не будем углубляться в проверку того, соответствуют-ли вообще отвлеченные понятія Маркса достаточно ясным реальным предметам. Но зато не подлежит сомнѣнію наличіе в совѣтской Россіи рѣзко разграниченых между собою сословій. Из них самым привилегированным являются коммунисты — „красное дворянство“, или „красные брамини“, как их называют, а наиболѣе безправным и отверженным — так наз. „лишенцы“, соответствующіе паріям в индусской іерархіи. Ряд промежуточных сословій располагается в слѣдующем порядке: рабочіе, крестьяне, лица умственного труда („служащіе“) и ремесленники („кустари“). Но и внутри каждой из этих основных групп сооружаются безчисленные дополнительные перегородки по разным искусственным признакам, создавая в общей сложности кастовую систему невиданой стѣснительности и запутаности.

Совѣтскія сословія различаются между собою и по их праву на получение образования. „Лишенцы“ вовсе лишены этого права, как и всѣх других прав человѣка и гражданина, неотъемлемость которых признается во всѣх цивилизованных странах. О них см. брошюру автора „Выборы и демократія“, Харбин 1933. Поэтому нам о них совсѣм говорить не придется. Не-

равномѣрное-же распределеніе прав среди остальных каст, от браминов до сутра, выражается в определенных обязательных минимальных процентных нормах приема для каждой из них.

Их численные соотношения могут колебаться в зависимости от условий времени и места, а также от характера самого учебного заведения. Указания к ним всегда даются по следующей схемѣ: В такой-то набор в такой-то институт предписано принять не менѣе 70 % коммунистов и не болѣе 30 % „безпартійных“ сословій. Цифры эти устанавливаются заранѣ, без всякого отношенія к предполагаемому количеству кандидатов и их составу. Нисколько не видоизмѣняются онѣ и послѣ того, как уже выяснилось истинное положеніе дѣл. Весьма вѣроятный в таких случаях недобор по одним „куріям“ и соответствующія затрудненія по другим предусматриваются всегда инструкціей в следующей формѣ. Если не удастся заполнить „безпартійными“ полагающіеся им 30 % мѣст, то остаток можно дополнить избыточными коммунистами. Но если в этих послѣдних обнаружится недобор, то инструкція предписывает ни в каком случаѣ не восполнять открывшихся новых вакансій „безпартійными“, а так и оставлять их открытыми. Мало того: тогда даже абсолютное количество мѣст, предоставленных „безпартійным“, уменьшается так, чтобы не нарушить процентной нормы в нежелательную сторону. Точно такого-же рода стѣснительные перегородки устанавливаются и между другими, „безпартійными“ сословіями, как то: рабочіе, крестьяне, „служащіе“ и „кустари“ и пр. Далѣе, различные права огдѣль-

ных курій в значительной степени зависят от специальности учебного заведения. Именно, власти признают желательным давать высшее образование по определенной отрасли лицам, и раньше работавшим в том же направлении на низших должностях. Так, в педагогических институтах будут пользоваться привилегиями учителя начальных школ, в медицинских — фельдшеры, в геодезических землемеры и пр. Встречаются и иные своеобразные разграничения. Например, во время „украинизации“ высших учебных заведений в Харьковѣ, Киевѣ и других городах, была установлена минимальная обязательная процентная норма для украинцев. Однажды центральные органы народного просвещения обратили внимание на то, что в приемные комиссии высших учебных заведений технической специальности (особенно горный, механический и т. п. факультеты) поступает несоразмерно малое число заявлений от женщин. Явление это признано было нежелательным и власти реагировали на него введением определенного регулирования полового состава студенчества. По всевозможным иным поводам могут вноситься и дальнейшие изменения в эти обязательные относительные нормы приема.

Какова должна быть беспристрастная оценка всех подобных мероприятий советской власти в области народного просвещения? Нет сомнения, многие из них основываются на вполне здоровых и по своей природе симпатичных принципах. Эти принципы не российскими коммунистами изобретены и в некоторых передовых („буржуазных“) странах Запада уже раньше находили себя применение. Но, как это всегда бывает с действиями советской

власти, своими пріемами грубаго насилия и произвола она превращает даже правильное в корнѣ начинаніе в дополнительное орудіе угнетенія и регресса. Что может быть, напримѣр, естественнѣе и справедливѣе, чѣм то, чтобы молодые люди из неимущих классов общества получали всякаго рода образованіе на льготных условіях? Приходить им в этом случаѣ на помощь, это священный долг всякаго правительства, дѣйствительно претендующаго быть культурным. И именно так это и понимали, напримѣр, в Германіи, Скандинавских странах и др. Учреждаются стипендіи для бѣдных студентов, проявляющих способности, вводятся облегченныя правила принятія для тѣх молодых людей, домашнія условія которых не способствуют успѣшным занятіям. Все это дѣлается повсемѣстно, хотя, может быть, и не с такой систематичностью, как это было бы желательно.

А во что превратила эти благія основы совѣтская власть в Россії? Преувеличив до карикатуры свой принцип „классового подхода“, она создала на всѣх пріемных комиссіях настоящее мѣстничество, своеобразный конкурс чисто вѣнчаних, формальных признаков, отличающих отдельных кандидатов. Если для двух желающих поступить имѣется только одно свободное мѣсто, то на вѣсы кладутся их „социальное происхожденіе“, партійность, производственный стаж, иногда національность, пол, — словом, все то, что не имѣет никакого отношенія к основным особенностям человѣческой личности. Она-то и остается совершенно в сторонѣ. Может быть, ничего нѣт плохого в том, что человѣку, условія предыдущей жизни которого не дали ему возможности уси-

ленно заниматься, дѣлают поблажку и принимают его на ученіе, несмотря на обнаружившійся на экзаменѣ недостаток обязательных знаній. Но несравненно хуже то, что лицу, обнаруживающему и удовлетворительную подготовку и, может быть, способности к наукам, не дают возможности получить необходимую квалификацію только потому, что отец его торговал, или даже честно служил в совѣтских же государственных учрежденіях, но по части не физического, а умственного труда; или потому, что это лицо оказалось мужчиной, тогда как правительство проводит „кампанію“ поощренія женщин. В этих условіях и появляется большая вѣроятность того, что дѣйствительно даровитая личность, которая могла бы, при известных условіях, принести пользу развитію самой науки, оказывается поставлена в неблагопріятныя условія и пропадает безплодно. И такие случаи дѣйствительно наблюдаются в совѣтской Россіи. Налицо примѣр самого вандальского пренебреженія к такой цѣнной рѣдкости, как человѣческое дарованіе.

Правда, во всѣх высших учебных заведеніях совѣтской Россіи при приемѣ производятся вступительные испытанія, или экзамены, как их снова начали называть в послѣднее время. На них дѣйствительно провѣряются знанія по ряду общеобразовательных и специальных дисциплин, примѣрно в объемѣ средней школы, согласно программам, которые каждый раз особо утверждаются министерством народного просвѣщенія. Экзамены эти подчас бывают даже довольно строги в извѣстном смыслѣ — но что проку в них? Они представляют собою пустую формальность. Вот обычный порядок

совєтской процедуры пріема в высшія учебныя заведенія. Сначала собирается особая экзаменаціонная комиссія, из преподавателей-спеціалистов. Она провѣряет всѣх подзвіих заявленія по обязательным предметам и подает свои заключенія в видѣ особой таблицы отмѣток. Раньше в них преобладали альтернативные опредѣленія: „удовлетворительно“ или „неудовлетворительно“. Но обшій наблюдающейся в послѣдніе годы в области просвѣтительной политики совєтской власти рѣзкій, хотя не послѣдовательный и неравномѣрный, поворот назад, к старым формам и обозначеніям — привел к тому, что и результаты экзаменов стали обозначаться по прежней системѣ баллов выѣсто этих качественных опредѣленій. Большею частью теперь примѣняется даже дореволюціонная гимназическая пятибалльная шкала.

Но экзаменаціонной комиссіи не принадлежит рѣшающее слово. А фактически, как мы сейчас увидим, она лишена даже и совѣщательного голоса. По окончаніи ея работ собирается, в качествѣ второй, и в извѣстном смыслѣ окончательной инстанціи, особая пріемная комиссія. Она отбирает себѣ заключенія своей предшественницы в писменной формѣ — голословные отмѣтки в том или ином видѣ о степени подготовленности экзаменующихся. Но, как правило, никто из членов экзаменаціонной комиссіи лично не участвует в пріемной. Состав этой послѣдней слѣдующій: директор (resp. ректор) учебнаго заведенія в качествѣ предсѣдателя (обязательно коммунист); представитель от мѣстнаго професіональнаго комитета, коммунистического комитета, „ячейки“ коммунистической молодежи, союза „коллективных

хозяйств" и цѣлаго ряда столь-же несомнѣнно просвѣтительных организацій, которая официально именуются „общественными“, но в дѣйствительности представляют собою различные маски, надѣваемыя хамелеоном совѣтской власти. Каждый из членов комиссіи отстаивает интересы своего вѣдомства: провѣряет по документам даннія о производственном стажѣ, „соціальном происхожденії“, предшествующих занятіях и т. д. Результаты экзаменаціонной комиссіи чаще всего при этом оставляются во все без вниманія. Они могут повліять на рѣшенія пріемной комиссіи только в том исключительном случаѣ, когда предстоит выбор между двумя кандидатами на одну вакансію, абсолютно равными по всѣм остальным, „общественным“ признакам. Понятно, что такой подход превращает экзамены в пустую формальность.

Многочисленные факты могут подтвердить всѣ эти положенія. Подробная и тщательно разрабатываемая каждый раз заново министерствами народного просвѣщенія программы для вступительных испытаній и строгія инструкціи ни в чем от них не отступать — оказываются потерянным трудом. Не стоит цитировать общизвѣстные факты невиданно-низкаго культурнаго и образовательнаго уровня совѣтскаго студенчества. Автору, в качествѣ преподавателя ряда учебных заведеній различнаго характера, приходилось, при рѣшеніи задач по высшей математикѣ с уже принятыми студентами, обнаруживать незнаніе ими таблицы умноженія. Даже на математических факультетах университетов самым обычным явленіем стало неиздѣніе десятичных дробей, не говоря уже о

простых. Что-же касается логарифмов и тригонометрии, то среди слушателей очень немногие имѣют ясное представление об этих предметах. Поэтому остальные ограничиваются попугайским заучиванием формул дифференциального и интегрального счисления, даже не пытаясь вникать в тайну встрѣчающихся в них символов: Log, sin и т. п. От такой страшной неподготовленности некоторых слушателей к проходному материалу страдают больше всего, понятно, они сами. Правда, такое положение тяжело отражается и на общем прохождении учебных планов. Приходится сильно урѣзывать программы, приспособляя их к уровню знаний слушателей. Другая тягостная послѣдствія неполной предварительной подготовки не замедлят сказаться послѣ того, как малограммовый студент будет выпущен с дипломом „совѣтского специалиста“ и приступит к практической дѣятельности. Если это будет инженер или врач, тотчас-же перед всѣми обнаружатся пагубные плоды такой скороспѣлой подготовки. Всѣм извѣстны исторіи о совѣтских небоскребах, в которых послѣ окончанія и открытия оказывается, что забыли провести отопленіе и лифты. Извѣстно, что для перемещенія улиц в Петербургѣ усовершенствованными кубиками пришлось вызвать для руководства работами инженеров и даже студентов из Германіи, так как для этой работы квалификація совѣтских инженеров оказалась недостаточна. Не стоит сейчас распространяться на эту благодарную тему, так как насыпи над волющими низким уровнем подготовки совѣтских специалистов сплошь и рядом попадаются даже на страницах совѣтской печати.

Она только никогда не доходит до логически неизбежных выводов из этих печальных фактов и не указывает на истинную причину описываемых явлений. В отношении других специальностей, как, например, педагогической, мене бросаются в глаза общественные результаты. Но в будущем они скажутся отнюдь не мене ощутительно.

И все-таки это рѣзкое паденіе уровня знаний и развитія лиц, формально принадлежащих к интеллигенціи Россіи, можно считать еще за полбѣды по сравненію с тѣм другим, большим несчастіем, на которое указано выше. Бѣда в том, что громадное множество людей, ни в чём неповинных лично, только „плохѣ родившихся“, вовсе теряет возможность получить образованіе. И всегда остается вѣроятность того, что среди них затеряются даровитыя личности, которые могли бы принести пользу наукѣ, если-бы их допустили в ея храм, а теперь пропадают для нея.

Но и принятый уже студент не может еще считать себя в безопасности от бдительности совѣтских шпіонов. В теченіе всего трех или четырехлѣтняго срока обученія ему не раз приходится проходить через так называемы „чистки“ — т. е. дополнительныя разслѣдованія все того-же злополучнаго „соціального происхожденія“, носящія чисто судейскій, или вѣрнѣе инквизиторскій характер. Замѣчательно, что при всѣх университетах и институтах существуют постоянныя штатныя комиссіи по „соціальной провѣркѣ“: такое большое значеніе придает совѣтская власть породѣ. Онѣ постоянно производят слѣдствія, как тайные, так и публичныя на многолюдных принудительных

собраніях, предавая огласкъ компрометирующія съ точкою зре́нія свѣдѣнія о том или иномъ студентѣ, собранныя путем агентурной развѣдки. Замѣчательно также, что первенствующую роль въ этихъ инквизиціонныхъ комиссіяхъ формально играютъ професіональные комитеты учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, професіональные союзы, которые во всемъ „буржуазномъ“ мірѣ создаются именно съ цѣлью охраны прав трудящихся, превращены большевиками здѣсь, какъ и везде, въ дополнительное орудіе угнетенія на помощь всеобщему эксплоататору и рабовладѣльцу—государству.

Самые курьезные примѣры этого возродившагося мѣстничества проникаютъ во всѣ мелочи повседневной жизни. При распределеніи мѣст въ студенческихъ общежитіяхъ лучшія комнаты предоставляются исключительно по соображеніямъ породы. Малъйшія отступленія отъ этого феодального принципа немедленно подаютъ поводъ къ печатнымъ политическимъ доносамъ въ „искривленіи классовой линіи“. Передъ нами снова случай возврата къ средневѣковью — къ нравамъ боярщины временъ Іоанна IV.

Полезныя послѣдствія работы этихъ комиссій сказываются въ непрестанныхъ исключеніяхъ уже принятыхъ студентовъ, которые нерѣдко принимаютъ массовый характеръ. Приведемъ нѣсколько яркихъ примѣровъ этой политики. Въ 1928 году, напримѣръ, во время осеннаго набора въ высшія учебныя заведенія Россіи было еще разрѣшено принимать въ извѣстномъ ограниченномъ количествѣ дѣтей лицъ „нетрудового“ сословія, или „лишнцевъ“. Но черезъ два мѣсяца это право было отмѣнено. Съ характерной для совѣтскаго правосудія превратной логикой это-

му декрету была придана обратная сила. И принятые д'єти „лишнцев“, проучившіся два м'єсяца и уплатившія уже громадныя по тому времени суммы за право учення, были без всяких церемоній исключены. Всякія ходатайства оказались бесполезны и даже деньги не были возвращены. Зато, если кто-нибудь из „лишнцев“, скрыв свое „соціальне происхожденіе“, успівал добиться для себя государственных стипендій, по обнаруженні и исключенні их у них были в судебном порядке вытребованы полученные ими за все время пособія.

Однако такое исключение недавно принятых студентов представляет собою сравнительно гуманный случай. Но бывает нерѣдко, что исключают без права возстановленія студентов, уже оканчивающих, на послѣднем курсѣ, если вдруг всплынут о них свѣдѣнія в описанном родѣ. Бездушный формализм шпіонов отрывает человѣка от уже наладившихся научных интересов и перспектив во имя схоластической марксистской формулы. Они торопятся привести в исполненіе свой план, не заботясь об особенно тщательной провѣркѣ „обвинительного материала“, чтобы не выпустить из рук своей жертвы и не дать ей возможности овладѣть дипломом.

В отношеніи своекоштных студентов случается и наоборот. Комиссія „соціальной провѣрки“ нам'єтит к исключенню студента, которому осталось еще долго учиться до окончанія. Но она нарочно откладывает постановленіе об этом до послѣдняго мига, непосредственно перед выпускными зачетами, чтобы как можно больше извлечь дохода из платы за ученіе. Можно привести характерную исторію студентки Л., которая была исключена с III-го курса

Коммунистического университета, когда выяснилось, что ея отец, за много лет до того умерший, принадлежал к духовному званию. Интересно то, что в Коммунистической университете принимают коммунистов не мене, чым с 5-летним стажем. Слѣдовательно, Л. состояла членом коммунистической партии к моменту исключенія не мене восьми лет. И даже в самем постановлениі об исключеніи ничего не упоминалось о том, чтобы она проявила себя чѣм-нибудь неблагонадежным за весь этот срок. Но соображенія о „соціальному происхождені“ были признаны болѣе вѣскими, чѣм столь долгій испытательный стаж.

Если мы перейдем от комплектованія высших учебных заведеній непосредственно к отбору будущих научных дѣятелей — аспирантов — мы не найдем существенной разницы в приемах. Только в прежніе годы существованія совѣтской власти дѣйствовала инструкція отбирать и оставлять для работы при кафедрах тѣх из студентов, которые подавали надежду стать научными работниками. Но в послѣднее время здѣсь тоже все захлестнуло „соціальное происхождені“. Так как выдѣленіе болѣе способных студентов производится только в ходѣ занятій, то формированіе групп для подготовки в аспирантуру прежде дѣлалось только на старших курсах. Для них устраивались дополнительные занятія, называемыя „семинарами повышенного типа“, из которых уже непосредственно переводили на аспирантскіе курсы. Но теперь отбор будущих аспирантов перенесен на первый курс, непосредственно послѣ приема. Основою для него служат исключительно материалы приемной комиссіи, притом только снова в смы-

слѣ родословных, а не отмѣток об успѣшности экзаменов. Итак, и в этом важнѣйшем отборѣ снова грубо пренебрегаются особенности человѣческой личности и по-вандальски затираются дарованія. Все сказанное по поводу студенчества об исключеніях, „чисткѣ“, и пр. можно применить и к аспирантурѣ.

ГЛАВА IX. Высшее образование.

Но, может быть, если студенты и принимаются в советскія высшія учебныя заведенія с крайне недостаточной подготовкой, то ея недочеты восполняются в самом ходѣ ученія? Способствует ли система советского высшаго образования действительно высокому качеству выпускемых специалистов, в том числѣ и научных работников?

Вот тот вопрос, послѣдній по счету, который нам теперь придется разобрать.

При поверхностном ознакомлениі с вопросом может показаться, что советская власть принимает очень энергичныя мѣры для стимуляціи успѣшности слушателей. Только формы ея пріобрѣтают своеобразный оттѣнок в связи с общей коммунистической тенденціей діалектическаго левеллерства. Составляются договоры „соціалистического соревнованія“ между различными академическими группами, а внутри их между меньшими объединеніями, имену-

емыми „бригадами“ — все по аналогии с промышленными предприятиями. Победителей на этих конкурсах чествуют на торжественных факультетских собраниях, премируют их почетными подарками. Их имена вывешиваются в залах на „красных досках“, равносильных обычной „золотой доске“. Но вся эта картина напускной, напыщенной шумихи получает совсем особое освещение, если мы посмотрим, за какая именно заслуги удостаиваются „ударники“ таких почетей.

Самую незначительную роль в этих отличиях играют академические успехи, а наибольшее внимание видом заслуг считается „общественная работа“. Мы уже знакомы с характером этой деятельности по тому, что рассказано о научных работниках в пятой главе. Но та же самая форма нравственных пыток и издевательства становится еще более безцеремонными, как только мы переходим к среде студенчества, с которым, понятно, менятье стесняются в обращении. Может быть, ни в какой другой общественной прослойке не наблюдается такой бешеный разгул всеобщего доносительства, как именно в среде учащейся молодежи. Взаимное враждебное выслеживание создает в ней атмосферу крайнего напряження и подозрительности. Доносы процветают как тайные, так и публичные. Чрезвычайно часто созываются принудительные студенческие собрания по самым разнообразным поводам — чуть не каждый день. Ораторы выступают на них с открытыми разоблачениями тут-же присутствующих своих товарищей — выявляя по большей части все то же их „социальное происхождение“, но указывая также и на признаки неблагонадежных

настроеній, обнаружившіся в частных разгово-
рах, или иным образом. В этих благородных
преніях принимают участіе и коммунисты из
среды педагогического и административного со-
става университета... Рука не поднимается, что-
бы назвать знакомыя имена в этих картинах
послѣдняго цинизма, вѣроятно, невиданного в
университетской исторіи. И страшно подумать,
как эти плоды „соціалистическаго воспитанія“
довели до такого нравственного паденія то са-
мое русское студенчество, которое, казалось,
хранило до революціи благородныя традиціи.
Всѣ мы помним, как исключение царскими ми-
нистрами одного какого-нибудь студента, хотя-
бы за участіе в революціонных беспорядках,
сейчас-же вызывало забастовки и демонстраціи
его товарищѣй, временное закрытіе университе-
та и всероссійскіе скандалы. А теперь исключа-
ют студентов пачками за то только, что их ро-
дители имѣли до революціи 2 лошадей — и их соученики не только не протестуют, а сами спѣ-
шат забросать их грязью на собраніях и издѣ-
ваются над ними. Многое уже написано на эту печальную тему, но ничто не в силах искупить ни в настоящем, ни в будущем этот національ-
ный позор.

Во всѣх учебных заведеніях, далѣе, изда-
ются „стѣнныя газеты“, а в болѣе крупных да-
же періодическая изданія обыкновенного типа,
еженедѣльные или двухнедѣльные, размножае-
мые типографским или литографским спосо-
бом. Там помѣщаются компрометтирующія дан-
ныя по біографіи или генеалогіи отдельных
студентов, сопровождаемые всегда грубыми
насмѣшками над ними и карикатурами. И в
обязанности правленія вмѣняется тщательно

слѣдить за такой литературой и немедленно дѣлать „организаціонные“ выводы из появляющихся в ней „разоблаченій“. Впрочем, лица из правленія и не могут забыть об этом, так как всегда найдется достаточное число охотников освѣжить в этом отношеніи их память.

На собраніях, посвященных отчетным докладам професіональных комитетов, их предсѣдатели перечисляют свои заслуги, называя фамиліи студентов, исключенных благодаря им за „соціальное происхожденіе“.

Понятно, что такая обстановка не очень поощряет охоту углубляться в знанія. На студентов, которые пытаются всецѣло отдаваться своим академическим интересам и по возможности отдѣлаться от этой нѣотвязной „общественной работы“, смотрят с открытой враждебностью.

Слово „академизм“ звучит в этом смыслѣ тяжким обвиненіем против всякаго студента в страшный день „чистки“. Наиболѣе своеобразно проявляется это отношеніе во время тѣх „чисток“, которые официально провозглашаются „академическими“. По смыслу этого названія слѣдует, что исключенію на них подлежат студенты только по малой учебной успѣшности, которая внѣшне проявляется в большом количествѣ несданных во время и запущенных зачетов. Несмотря на это, исключили нѣсколько человѣк студентов как раз наиболѣе успѣвающих, свободных от всякой академической задолженности. В этом признакѣ, казалось бы, благопріятном с точки зрѣнія официально выставленных мотивов „чистки“, было усмотрѣно доказательство уклоненія от „общественной работы“ и нежелательного „соціального происхожденія“. Подобное мѣропріятіе, далеко не един-

ственное в своем родѣ, относится уже к области насаждаемой коммунистами имбециллократіи — или отрицательного искусственного отбора по интеллектуальному признаку.

Перейдем к методам преподаванія, принятым в совѣтской высшей школѣ. В этой области мы не найдем ничего принципіально новаго по сравненію с тѣми направленіями, которые смынялись за это же время в міровой педагогикѣ. Точно так-же чередовались и смынялись лекціонный, семинарскій и лабораторный метод с нѣкоторыми промежуточными, хотя каждый из них формально выставлялся, как послѣднее до-стиженіе именно пролетарской „классовой“ науки. В области народнаго просвѣщенія, может быть, болѣе, чѣм во всякой другой, замѣтны характерные для совѣтской власти политическіе зигзаги (по выраженію Троцкаго), безпомощныя метанія вправо и влѣво, от безудержнаго рискованнаго новаторства до откровенной реакціи. И если именно область народнаго просвѣщенія испытывает на себѣ острѣе всѣх эту политическую качку, то этот факт только то и доказывает, что совѣтская власть с ней меньше боится экспериментировать, чѣм с другими, ибо втайне придает ей меньше значенія.

Но методы учета успѣшности учащихся дѣйствительно пріобрѣтают своеобразный колорит в связи со специфическими совѣтскими условіями и тенденціями. В этом отношеніи особенно характерен так называемый „бригадно-лабораторный план“ в ученіи. До 1932-33 учебнаго года всякое отступленіе от этого плана расцѣнивалось как „ересь“ и „культурная контр-революція“. А в этом году министр народнаго просвѣщенія Бубнов отмѣнил его и такое-же отноше-

ніє було перенесено на всякія попытки продовжать пользоваться недавно еще обязательным методом.

Вот вкратцѣ свѣдѣнія о содержаніи этого плана. Как показывает первая половина его названія, студенты объединяются для прохожденія материала в группы, в среднем состоящія из 5—6 человѣк и называемыя бригадами. Что же касается лабораторнаго способа преподаванія, то он заключается в том, что студенты добывают свѣдѣнія сами из печатных пособій, по списку страниц, указанному преподавателем. Кромѣ того, роль этого послѣдняго сводится ко вступительным руководящим наставленіям в началѣ каждой из небольших тем, на которые разбивается курс, причем по своему содержанію эти рѣчи нисколько не напоминают обыкновенных лекцій; к учету успѣшности слушателей и заключительным замѣчаніям в концѣ каждой темы. Но при учетѣ усвоенія весьма строго соблюдался колективный, а не индивидуальный принцип. Вопрос ставился о зачетѣ извѣстнаго предмета или отдѣла курса всей «бригадѣ» в цѣлом, а не тому или иному студенту. В связи с этим возникла своего рода «круговая порука», которая сначала понималась в том смыслѣ, что ни одному из членов «бригады» не зачитывалась извѣстная тема, пока ея не усваивали всѣ. В этом установленіи скрывалось и извѣстное здоровое начало, о котором мы упомянем нѣсколько дальше. Но повсемѣстно круговая порука выродилась в такой порядок, по которому вся «бригада» считалась сдавшей зачет, если сдавал его ея избранный представитель—«бригадир». По этому поводу слѣдует замѣтить, что в качествѣ «бригадира»

обыкновенно выступал студент болѣе сильный по академической успѣшности. К нему приставлялись в качествѣ членов бригады товарищи, которым слишком усердная «общественная работа» мѣшала удовлетворительно выполнять учебныя заданія. По существу, однако, ничего нельзя возразить против начала взаимнаго обученія, которое приносит пользу для всѣх принимающих в нем участіе студентов. Отвѣтственность за подготовку отстающих товарищѣй в той формѣ, в какой она первоначально была установлена по принципу круговой поруки, также может быть вполнѣ оправдана. Но тот же принцип впослѣдствіе стал приводить к обратным результатам, вовсе снимая с «бригадира» отвѣтственность за работу порученных его наблюденію товарищѣй, а с них самих—за усвоеніе курса. Но при своеобразных совѣтских условіях конкурснаго комплектованія и «выдвижнія» лиц, отличившихся на «общественной работе», эта система именно по этим соображеніям и культивировалась. Студенты - коммунисты, уже с первого курса предназначенные для научной карьеры за свое «соціальное происхожденіе» и усердіе по выявленію «чуждаго элемента», сплошь и рядом оказывались-бы неспособны даже переходить с курса на курс, если бы не выгораживали себя за спиною своих болѣе способных товарищѣй—«бригадиров». Но послѣ окончанія все-таки бывшаго «бригадира» посылают инженером на Магнитогорскіе или Кузнецкіе рудники, или врачом в деревню, а его стараніями окончившій товарищ поступает аспирантом в научно-исследовательскій институт по спеціальности, или при Академіи Наук. Так комплектуются тѣ безчисленныя научныя

учрежденія, которыми совѣтская власть хва-
лится в своих отчетах перед цивилизованным
міром. Так подготавляются научные кадры бу-
дущей Россіи и в наукѣ создается то-же цар-
ство имбециллократіи, которое играет такую
важную роль в совѣтской системѣ управлениія.

Тот рѣзкій «зигзаг вправо» в отношеніи
методов обученія в 1932-33 учебном году, о ко-
тором мы уже упоминали—возвращеніе к ста-
рым формам лекцій и экзаменов—пока не при-
вел к опредѣленным итогам и мы не будем
здѣсь заниматься его разбором.

Итак, качество подготовки научных специа-
листов в совѣтских высших учебных заведеніях
не может быть высоким хотя бы уже потому,
что слишком мало времени и вниманія позво-
ляют удѣлять основным учебным занятіям и
слишком разбрасывают вниманіе по самым все-
возможным поводам. Но и самыя программы
учебных заведеній не таковы, чтобы можно было
считать продуктивным использование немно-
гих часов, остающихся для академических за-
нятій. Специальная и основная дисциплины в
них оттѣняются на задній план нѣсколькими
категоріями паразитических предметов. Сюда от-
носятся: во первых, военные предметы, общий
цикл которых называется «высшей допризыв-
ной военной подготовкой» и в извѣстных пре-
дѣлах замѣняет для учащихся вышней школы
отбываніе воинской повинности, в видѣ особой
льготы. Во вторых, крайне громоздкій цикл
специально-совѣтских наук. Содержаніе его уже
извѣстно нам из седьмой главы, в которой
вкратцѣ указаны и примѣняемые коммунистами
дополнительные пріемы стимуляціи к его про-
хожденію. Говорилось уже и о том особом

распространені, которое для этих предметов получил лабораторный метод преподаванія и о двоякаго рода мотивах этого явленія. Что же касается нѣкоторых негласных цѣлей, которых преслѣдуєт самое включение в программы этого тягостного бремени, то об этом рѣчь будет итти нѣсколько дальше.

В третьих, нѣкоторые общехимические науки введены в программы высших учебных заведеній без различія специальности, вплоть до медицинских и педагогических, под видом «политехнізациі»: сопротивленіе материалов, технологія металлов, техническое черченіе и др. Кромѣ теоретических занятій по этим предметам, повсюду введена еще особая «производственная практика», одно время достигавшая поистинѣ чудовищных размѣров и в своей «непрерывной» формѣ полностью парализовавшая прохожденіе основных наук. Формы, задачи, послѣдствія всей этой страшной чехарды программ, методов, «установок» и «уклонов», подвергающихся непрестанной ломкѣ среди хаотических зигзагов политики, роковое экспериментированіе безчеловѣчной диктатуры над головами и душами молодого поколѣнія — обо всем этом можно было бы написать цѣлую книгу.

Остается упомянуть еще о том особом положеніи, которое в преподаваніи занимают специально-совѣтскіе предметы и о том скрытом назначеніи, цѣлям которого они служат. Наиболѣе выдающееся положеніе из них занимает діалектический материализм, прозванный студентами «совѣтское богословіе» в связи со scholasticischenm характером курса. Но по существу содержаніе всѣх совѣтских предметов, при

всем разнообразіи их кличек, сводится к не-прикрытой коммунистической агитациі и рекламѣ. Введенный раньше всего для этих наук лабораторный метод, кроме тѣх двух уже указанных преимуществ, которые он представлял с точки зрењія преподавателя, преслѣдовал еще одну цѣль непосредственно в отношеніи слушателей. Учет усвѣдомности при этом методѣ производится с помощью так наз. «конференцій», устраиваемых по окончаніи каждой темы. т. е. собраній, на которых каждому слушателю предлагается высказаться по ея существу и принять участіе в преніях. По всяким предметам случаются ошибки в пониманіи учащихся. Но по спеціальным или обще-научным дисциплинам ошибочное высказываніе на зачетѣ или конференції может повліять самое большее на пониженіе балла успѣшности. А ошибка по любому из совѣтских предметов рассматривается как „политическая ошибка“, или как равносильное понятіе—„уклон“ и немедленно превращается в материал, обличающій „чуждую идеологію“ на ближайшей „чисткѣ“. Студенты-коммунисты с жадностью слѣдят поэтому за каждой случайной обмолвкой своих товарищей и, не дожидаясь вывода преподавателя, дѣлают из них свои собственные заключенія—болѣе практического характера. Истинное назначеніе введенія совѣтских предметов в курс всѣх учебных заведеній сводится, таким образом, к своеобразной идеологической ловлѣ, или, если угодно, идеологическому шпіонажу.

Подводя итоги тѣм условіям, в которые поставлена наука в совѣтской Россіи, сопоставим их с той блестящей картиной процвѣтанія, которую изображают официальные совѣт-

скіє отчеты. В многочисленных и якобы хорошо оборудованных зданіях, построенных совѣтскою властью для научных учрежденій, сидит огромный штат сотрудников, но отобранный из людей, наименѣе способных к наукѣ, наспѣх и плохо подготовленных и необразованных. В добавок их работа поставлена в такія условія, при которых они могут лишь незначительную часть времени посвятить своим научным изысканіям, а главное — в области этих послѣдних не в состояніи дѣлать свободные выводы из наблюдаемых фактов. Добросовѣстный анализ всей этой картины не только не обнаружит в ней ничего похожаго на процвѣтаніе, а, напротив, вполнѣ подтверdit поставленое в самом началѣ настоящаго очерка опредѣленіе:

— Убийство науки!

Заключеніе.

Соображенія економії мѣста заставили нас умолчатъ о цѣломъ рядѣ весьма важныхъ пунктовъ, но очутившихся въ сторонѣ отъ общаго хода изложенія. Сюда относятся, напр., насильственная профессіональная оріентація, заключающаяся въ томъ, что молодыхъ людей, даже принадлежащихъ къ привилегированнмъ въ сословіи „трудящихся“, назначаютъ на должности не по той специальности, которую они сами предпочитаютъ, а по усмотрѣнію начальства. Далѣе, своеобразная „плановость“ въ наукѣ, введенная профессоромъ педагогіи Залкиндомъ, гоненія на виталистическую теорію въ біологіи, жертвою которыхъ сталъ покойный профессоръ Филиппченко, разгромъ Петербургскаго Математическаго Общества, Русскаго Физіологическаго Общества... Но скорбный синодикъ русской науки не имѣетъ конца.

Поговоримъ лучше о томъ назначеніи, которое ставилъ себѣ авторъ настоящаго очерка. Выпуклая въ свѣтъ настоящую полемическую брону

ру, мы льстим себя надеждою принести посильную пользу важному дѣлу распространенія среди заграничной общественности правильных свѣдѣній о состояніи культуры в совѣтской Россіи. Но с нашей стороны было бы легко-мысленным самомнѣніем переоцѣнивать плоды, которые заранѣе можно было бы ожидать от ея изданія. Как ни кажутся нам подчас совѣтскія мудрствованія дѣтски-наивны, как ни смѣшно представляется иной раз заниматься серьезным разбором приводимых в них доводов, все-таки онѣ составляют систему, тщательно разработанную в громадной литературѣ, в числѣ авторов которой можно найти немало лиц, не вовсе бездарных или невѣжественных. Дѣло ея опроверженія и разоблаченія представляется настолько желательным и отвѣтственным, что было бы непростительной ошибкой надѣяться исчерпать его одною маленькою книжкой, к тому же написанною наспѣх, в особо неблагопріятных условіях эмиграціи, на Дальнем Востокѣ, при полном отсутствіи под рукою dokumentальныхъ данныхъ и иных необходимых материалов. Но эту задачу необходимо поставить. У нас в эмиграціи есть силы, способные с нею справиться и задача достойна их.

На какого читателя должна была бы быть разсчитана такая работа, если-бы кто-нибудь ее выполнил? К сожалѣнію, нѣт надежды непосредственно довести ее до того контингента их, которому всего болѣе было бы полезно такое отрезвляющее вліяніе — на плѣнников совѣтской Россіи, которые уже в теченіи шестнадцати лѣт подвергаются одурманивающему дѣйствію монотонной коммунистической фразеологии. Если до них и дойдут отголоски

такого труда, то только в видѣ тупых, пустых и дутых возраженій на него со стороны официальной совѣтской печати, всегда разсчитанных на то, чтобы как можно большѣ затемнить суть дѣла. Литературные лакеи будут придираться к мелочам, обмolvкам, случайным упущеніям по частным вопросам. Но они обойдут упорным молчаніем всѣ дѣйствительно мѣткія и больно бьющія по их господам разоблаченія.

В значительно большей степени можно было бы использовать этот труд для борьбы с тѣм позорным примиренческим отношеніем к совѣтскому варварству в эмиграціи, которое представляетъ самый непростительный вид малодушія и для которого нельзя найти оправданія ни в каких партійных, національных или иных мотивах. Это наиболѣе важное назначеніе до тѣх пор, пока нам закрыт доступ на родину.

Но такую книгу необходимо будет довести и до свѣдѣнія иностранцев. Всѣ мы знаемъ то равнодушіе, с которымъ в послѣдніе годы они выслушиваютъ жалобы русских бѣженцев. В прежніе годы эмиграція нерѣдко оказывалась даже настолько наивна, что обращалась к иностраннымъ государствамъ (черезъ ихъ общественные организации) с прямymi просыбами силою оружія пойти свергнуть совѣтскую власть въ Москвѣ, чтобы избавить русскій народ отъ тѣхъ ужасныхъ мученій, которыя онъ переносит. Да и теперь еще встрѣчаются такие беспечные мечтатели, которые все надѣются, что Сталина придет свергать Гитлер или Араки. Но въ отвѣтъ на всѣ эти жалобы и призывы они неизмѣнно слышали и продолжают слышать одно: это не наше дѣло. Если русскому народу не нравится та власть, которая угнетаетъ его, пусть онъ свед-

гаєт єе сам. Начните дѣло освобожденія роди-
ны сами, вы, русскіе эмигранты — тогда мы
поддержим вас. Но не ждите от нас ініціативы.

Пусть так. Но пусть же до слуга міра, на-
зывающаго себя цивилизованным, дойдет заглу-
шенній донынѣ горькій стон русской науки.
Ученые безсильны помочь сами себѣ. Но их
труды — достояніе не одной только націи, их
породившей, но и всей человѣческой породы.
Помогая им, спасая их из их страшной темни-
цы, иностранцы не одной только Россіи окажут
услугу, но исполнят свой долг перед тѣм дре-
вом познанія, с котораго всѣ они вкушают
плоды.

ВАЖНЬИШІЯ ЗАМЪЧЕННІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣдует читать
		Сверху Снизу	
6		16 благотворительного благотворного	
7	14	ассирійских	ассирійских
22	3	фразы '	фразой
"	"	ограничиваются	ограничиваются
31	3	не смыслит, но	не смыслит. Но
"	"	а ргіоі	а ргіогі
33		З или	и
42		8 произведя	производя
43		17 заключающаяся	заключающаяся
73	8	на .	не
84	3	власти	власти
"	9	полазным	полезным
"	10	спреведливости	справедливости
"	15	Стеклова	Стеклова
"		12 совѣтская	совѣтской
"		10 физики	физики»
87		12 прежде	прежде всего
98		13 замѣнен. Дебориным замѣнен	
			Дебориным.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Д. И. Густов. Предисловіе	3
Summary	4
Глава I. Убийство науки	5
,, II. Свобода науки	11
,, III. Принудительная философія	20
,, IV. Коррупція	32
,, V. Воскресшая схоластика	47
,, VI. Разгром научных учреждений	64
,, VII. Совѣтская наука	83
,, VIII. Совѣтское мѣстничество	101
,, IX. Высшее образованіе	118
Заключеніе	129

Издательство
„Эмигрантская Библиотека“
473, Route Cardinal Mercier. Shanghai.